

© 1994 г. БЭББИ Л.Х.

НЕСТАНДАРТНЫЕ СТРАТЕГИИ ВЫБОРА ПАДЕЖА, ЗАДАВАЕМОГО СИНТАКСИЧЕСКИМ КОНТЕКСТОМ*

1.0. ВВЕДЕНИЕ

Всеобъемлющая теория падежа должна объяснять как универсальные, так и конкретно-языковые аспекты этой категории, т.е., с одной стороны, базироваться на универсальных принципах установления падежа, а с другой – давать системное объяснение поразительному разнообразию и сложности морфологических падежных систем, встречающихся в языках мира. Теория падежа, выдвигаемая в данной работе, является развитием теории падежа GB¹.

В основе нашей теории лежит универсальная типология падежей (каждый из четырех типов падежей, рассматриваемых ниже, имеет присущие только ему синтаксически релевантные свойства) и сравнительно небольшой набор универсальных принципов приписывания падежа. По мере изложения теории мы будем отмечать параметры, по которым различаются падежные системы, но в первую очередь нас будет интересовать наиболее важный источник межъязыковой падежной вариативности, а именно, тип падежа, выбор которого определяется синтаксическим контекстом (а также его взаимодействие с падежом, детерминированным лексически). Моя гипотеза состоит в следующем: хотя все языки имеют падежи, выбор которых определяется синтаксическим контекстом (конфигурационные падежи), сами стратегии этого выбора, опирающиеся на структурные отношения, могут различаться от языка к языку, от диалекта к диалекту, от одной стадии исторического развития языка к другой (ср., например, предпочтение номинативно-аккузативной или эргативно-абсолютивной стратегии в одних и тех же структурных позициях).

Обрисовав свою теорию падежа (особое внимание мы обращаем при этом на моменты, отличающие наше понятие Конфигурационного падежа от понятия Структурного падежа в теории Н. Хомского), можно перейти к главной теме работы, а именно к явлению приписывания именительного (ИМ) падежа именным группам (NP) в позиции прямого объекта вместо канонического винительного (ВИН), представленного в финитных предложениях исландского языка и нефинитных предложениях древнерусского языка¹. Оформление объектов с помощью именительного падежа – это яркий пример взаимодействия универсальных и конкретно-языковых свойств Конфигурационного падежа.

Общие теории падежа, как правило, ориентированы либо на семантику (см., например, статьи Р. Якобсона о падеже в [4]), либо на синтаксис [5, 6]. Наша теория по преимуществу синтаксична, но она отличается от стандартных версий теории падежа в GB тем, что признает существование Семантического падежа, который, в отличие от Синтаксического падежа, вносит непосредственный вклад в семантическую

* Ссылки на комментарии переводчика, приводимые после статьи Л. Бэбби, обозначены в тексте цифрами со звездочкой.

¹ В данной работе я разъясняю и углубляю некоторые поправки к теории падежа GB, выдвинутые в [1, 2] и развитые в последующих статьях (см. список литературы). Наиболее существенная альтернативная теория падежа из предложенных в последнее время – это [3]; к сожалению, объем статьи не позволяет мне последовательно разобрать все предложения ее авторов (это сделано в моей находящейся в печати статье "Падеж без особого падежного уровня").

интерпретацию предложений². Семантический падеж может иметь обстоятельство-ное значение (например, инессив, элатив, иллатив, адессив и т.п. падежи в финском языке) или может приписываться именному аргументу глагола вместо его канонического Конфигурационного падежа (например, родительный (РОД) парти- тивный в русском языке может быть приписан прямому объекту вместо ВИН или субъекту вместо ИМ, если надо подчеркнуть идею количества: *В лесу грибов* (РОД МН) *бывает!* (см. [12])). В данной статье исследуются преимущественно синтакси- ческие (грамматические) падежи – Лексический и Конфигурационный, первый из которых определяется и предсказывается самой лексической единицей, а второй – синтаксическим контекстом (конфигурацией), и тем самым ни тот ни другой не имеют семантического наполнения (Семантический падеж в русском языке детально рассматривается в [13]). Следует, однако, отметить, что языки могут сильно разли- чаться по тому, как они используют Семантический падеж: например, в турецком языке – только один обстоятельный падеж (локатив), в некоторых литовских диалектах – четыре локативных падежа [8, с. 48], а языки типа финского и вен- герского широко используют пространственные обстоятельные падежи. [Если иное не оговорено, в данной работе речь идет об абстрактном падеже (разъяснение этого понятия см. в разд. 2.0).]³

Следует отметить, что коль скоро естественные языки имеют совершенно разные падежные системы при сравнительном единообразии синтаксических отношений (функций), то между падежами и синтаксическими отношениями не может быть прямого соответствия [15, с. 219]. Так, нельзя просто связать именительный падеж с функцией субъекта финитного предложения, а приписывание его топикам, вокативам, прямым объектам (см. ниже), именным частям сказуемого (например, в русском языке: *Он вернулся грустный*) считать случаями отклонения от закономерностей падежного оформления. ИМ конфигурационен в том смысле, что с его помощью оформляется любая NP, удовлетворяющая ряду общих требований, предъявляемых к синтаксической структуре и формулируемых в терминах X'-структуры^{3*}. И хотя субъектность *per se* не принадлежит к числу этих условий, NP-субъекты действительно оказываются статистически наиболее распространен- ной синтаксической функцией, удовлетворяющей этим условиям (см. разд. 8.10). Заметим также, что субъектные NP в финитных предложениях могут выступать в косвенном Семантическом падеже (падеже, избираемом на семантическом основании: ср. РОД партитивный в вышеприведенном русском примере) или в Лексическом падеже, удовлетворяющем сочетаемостным требованиям глагола-ска- зуемого (см. исландские примеры субъектов в косвенном падеже, детерминированном лексически, в разд. 9.0). Итак, не всем субъектам приписывается ИМ падеж и не все NP в ИМ падеже – субъекты. Отсутствие взаимно-однозначного соответствия между падежами и синтаксическими отношениями характерно и для других Конфигу- рационных падежей и, по-видимому, является скорее правилом, чем исключением в естественных языках.

²Теория падежа, которую я здесь выдвигаю, имеет много общего с классификацией падежей, предло- женной в [7] (см. также [8]), ссылки на Семантический падеж в рамках генеративной лингвистики можно найти в работах [9–11, 3].

³Чтобы подвести явления, относящиеся к Семантическому падежу, под современную теорию падежа GB, не меняя ее, пришлось бы описывать все случаи Семантического падежа как приписывание падежа при условии управления со стороны нулевой лексической категории (в данном случае – нулевого предлога), наделенной тем же самым значением, которое выражает Семантический падеж. В той теории, которую я развиваю в данной статье, Семантический падеж приписывается непосредственно именной группе на уровне D-структуры^{2*}, не признается никакой приписывающей падеж лексической категории, и, следовательно, Семантический падеж выпадает из числа падежей, приписываемых при условии управления (ср. [11]). Подчеркнем, что Лексический падеж является сочетаемостным свойством лексемы, задаваемым в лексиконе (см. разд. 4.0), Семантический падеж приписывается на уровне D-структуры, а Конфигурационный падеж приписывается на уровне S-структуры.

Трактовка падежа в теории Хомского чисто синтаксична. Выбор падежа описывается в ней исключительно в терминах структурных отношений в дереве НС: падеж именной группе (NP) присваивает, приписывает та лексическая категория X^{04} , которая управляет этой NP⁴. Функции падежа также рассматриваются исключительно в синтаксических терминах. Например, облигаторность передвижения NP прямого объекта в позицию субъекта в английских пассивных предложениях объясняется с помощью теории падежа: говорится, что морфема пассива "абсорбирует" ВИН падеж у переходного глагола, вынуждая этим оставшуюся без падежной маркировки NP прямого объекта передвинуться в позицию субъекта – ближайшую позицию, в которой она может такую маркировку получить. Таким образом, теория падежа в GB в гораздо большей степени занимается синтаксическими эффектами, связанными с падежом, чем свойствами падежа и падежных систем per se [16, с. 53].

Конкретные правила приписывания падежа в GB можно объединить следующим образом: когда X^0 управляет некоторой NP, то этой NP приписывается ИМ, если $X^0 = \text{INEL (TNS, AGR)}$ ⁵, ВИН, если $X^0 = V$, и косвенный падеж, если $X^0 = P$ (reposition); но в конфигурации (т.е. синтаксическом контексте) $[_{NP} - -X']$ ^{6*} именной группе приписывается РОД [5, с. 170; 3]⁵.

Проводится также различие между абстрактным падежом и его морфологической реализацией [5, с. 6]. Структурные падежи, о которых мы только что говорили, являющиеся абстрактными падежами; они приписываются максимальным проекциям N^m именных групп^{7*} и затем перетекают (percolate) вниз на все категории непосредственных составляющих, лежащие на пути этого перетекания, – на ядерное существительное N^0 , на его модификаторы (прилагательные, определители, кванторы) и на все узлы, которые доминируют над ними; ни на компоненты ядерного существительного^{8*}, ни на компоненты модификаторов ядерного существительного абстрактный падеж перетекать не может [17]. Помимо абстрактных падежей существуют морфологические падежи [6, с. 187], т.е. получающие фонологическую реализацию падежные окончания конкретных лексических единиц. Отношение между абстрактным и морфологическим падежом – обычный источник многообразия падежей: в немаркированной ситуации абстрактный падеж реализуется через соответствующий морфологический падеж (так, абстрактный ИМ в норме отображается в морфологический именительный и т.д.). Но язык может допускать некоторые идиосинкратичные, нестандартные отображения, например, в русском языке абстрактный ВИН падеж отображается в окончание морфологического родительного падежа в некоторых склонениях, когда ядерное существительное – одушевленное (*Я увидел Иван-а: род_{NP} вин*). NP прямого объекта в этом примере приписывается абстрактный ВИН падеж, который морфологически реализуется в виде окончания родительного падежа -а. Абстрактный падеж обозначается прописными буквами (например, ВИН), а морфологический – строчными (вин). Дополнительное обсуждение "одушевленного родительного" в рамках данного подхода см. в [17]. Легко показать, что этим NP действительно присваивается абстрактный ВИН падеж: если берется одушевленное существительное мужского рода из склонения на -а, то он будет реализован падежным окончанием винительного падежа, но выраженное прилагательным определение при нем, которое в русском языке согласуется с определяемым существительным по одушевленности, а также по числу и роду, должно иметь

⁴По Хомскому [5, с. 50], падеж приписывает именной группе та категория, которая ею управляет. Категория "управляет своими компонентами в рамках той конструкции, ядром которой она является (так, например, глагол управляет своими объектами в составе глагольной группы и т.д.)."

⁵В дополнение к структурным падежам, которые приписываются на уровне S-структуры, существует "ингерентный" падеж, который приписывается на уровне D-структуры (см. [5]). Мы вернемся к Ингерентному падежу в разд. 4.0, посвященном Лексическому падежу.

окончание родительного падежа (см. [8]), например, *Я увидел [своего (род.) дядю (вин.)]* NP VIN ⁶.

2.1. Основная идея Н. Хомского состоит в том, что в немаркированной ситуации определяющая падеж лексическая категория X^0 приписывает определенный Структурный падеж именному компоненту, которым она управляет. Таким образом, каждый Структурный падеж связывается с определенной лексической категорией (ВИН с V, ИМ с INFL и т.п.). Однако положение о том, что Структурный падеж является свойством определенной лексической категории, не выдерживает критики в свете фактов, которые представлены в языках с развитыми надежными системами типа русского и исландского, потому что оно дает абсолютно ложное предсказание, будто в предложении падежи должны быть в дополнительной дистрибуции, поскольку каждый из них приписан компоненту определенной X^0 -категории. Иными словами, каждый из Структурных падежей может быть представлен в данном элементарном предложении не более чем один раз: единственность INFL определяет единственность ИМ субъекта, единственность V определяет единственность ВИН прямого объекта и т.д. Но данные исландского и древнерусского, которые мы рассмотрим в разд. 9 и 10, показывают, что Структурные падежи не являются "позиционными вариантами": например, не только ВИН, но и ИМ может быть приписан NP прямого объекта, несмотря на то, что в обоих случаях V управляет этой объектной NP. Предложения с повторным употреблением одного и того же Структурного падежа в разных структурных контекстах – обычное явление, например, предложения, где наряду с ИМ подлежащего присутствует ИМ топика^{9*}, предложения с ВИН прямого объекта и ВИН именной группы в позиции обстоятельства времени и т.д. (см. в разд. 7.3 примеры с двойным РОД в составе одной и той же NP). Мы еще вернемся к этим проблемам.

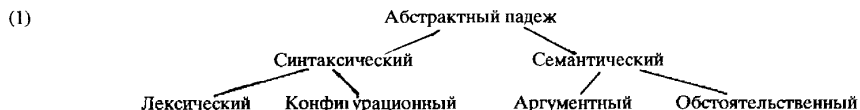
Есть и другие трудности, вытекающие из определения Структурного падежа, принятого в падежной теории стандартного варианта GB. Во-первых, приписывание приименного РОД, как оно было сформулировано выше, не связано с управлением со стороны N^0 (оно "конфигурационно" в более широком смысле, чем тот, что заключен в понятии управления со стороны X^0). Во-вторых, весьма сомнительно, чтобы из многочисленных падежей обстоятельственного характера в венгерском и финском языках каждый имел свою, отличную от других нулевую управляющую категорию (см. примеч. 3). В-третьих, признак РОД, получаемый существительным (N^0) в составе количественных NP в русском языке, помеченных признаками ИМ и ВИН, оказывается приписанным немасимальной проекции N^0 , которая C-командуется^{10*} максимальной проекцией группы квантора (подробнее см. [17]); подобные случаи приписывания падежа внутри NP не могут быть объяснены в терминах управлений со стороны X^0 .

В следующем разделе я изложу такую теорию Синтаксического падежа, которая, сохраняя основные новаторские положения падежной теории GB, позволяет обойти вышеуказанные трудности.

⁶Хомский в [5] высказал предположение, что падеж является внутренне присущим слову свойством, которое с ядра NP распространяется вверх по дереву на его максимальную проекцию 3^* вместе с другими ингерентными свойствами, тогда синтаксические правила приписывания падежа пришлось бы переосмыслить как правила "проверки падежа". Хотя это предположение имеет ряд достоинств (см. разд. 4.1), оно без нужды усложняет описание таких явлений в русском языке, как "одушевленный родительный" и родительный падеж существительного в составе количественной группы, где абстрактный падеж, которым помечено ядро группы (РОД), присвоен исходя из внутреннего контекста NP и отличается от абстрактного падежа, присваемого NP в целом как максимальной проекции ядра на основе ее внешнего контекста (ИМ или ВИН) (см. [13, 17]).

3.0. УНИВЕРСАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ ПАДЕЖА

Теория падежа, предлагаемая в данной статье, строится на основе универсальной типологии падежей, которая может быть обобщенно представлена в виде схемы (1)⁷.



С каждым типом падежей связано уникальное свойство, определяющее синтаксическое поведение той NP, которой он приписан. Приписывание Семантического падежа не предопределяется ни выбором данной конкретной лексемы, ни той синтаксической конструкцией, в которую она входит, и потому оно оказывает непосредственное воздействие на семантическую интерпретацию предложения. Синтаксические (грамматические) падежи приписываются NP либо конкретной лексемой (Лексический падеж), либо конкретной синтаксической конфигурацией (Конфигурационный падеж), в которой она находится. Коль скоро появление и дистрибуция таких падежей предопределены, они не оказывают непосредственного воздействия на семантическую интерпретацию предложения. Ниже мы рассмотрим морфосинтаксические свойства падежей из (1) и разрешение возможных падежных конфликтов (поскольку в конфликт вступают только аргументы, мы далее не будем говорить об обстоятельном Семантическом падеже). Также будет показано, что существует два типа стратегий приписывания Конфигурационного падежа: локальные и нелокальные⁸.

Типология (1) универсальна в том смысле, что она включает в себе инвентарь всех типов абстрактных падежей, которые могут встречаться в конкретных языках. При этом не имеется в виду, что все эти типы абстрактных падежей встречаются в каждом языке и различие между языками лишь в том, какие из этих абстрактных падежей реализуются морфологически. Разные языки обладают разными типами абстрактных падежей: в английском есть только Конфигурационные падежи [5, с. 172, 292], тогда как в русском представлены все четыре падежных типа, выделяемых в (1). Здесь следует подчеркнуть, что одному морфологическому падежу могут соответствовать несколько типов абстрактного падежа. Например, приименный родительный – это Конфигурационный падеж, задаваемый синтаксическим контекстом, родительный партитивный – это Семантический падеж, а родительный комплементов при определенных предлогах и глаголах – это Лексический падеж.

4.0. ЛЕКСИЧЕСКИЙ ПАДЕЖ

Косвенный падеж относится к классу Лексических, если он обязательно приписывается NP, выступающей в позиции комплемента при конкретной лексеме, например, русский глагол *владеть* требует, чтобы его объектная NP была маркирована тво-

⁷В [3, с. 227] предлагается выделять два типа Лексического падежа: "прихотливый" (quirky) падеж и "лексический падеж, который приписывается регулярным лексическим правилом определенному классу аргументов". К сожалению, мы здесь не можем развить это интересное предложение (см., однако, разд. 4.3, где дан пример Лексического падежа в литовском, приписываемого продуктивным глагольным суффиксом).

⁸Когда именная категория находится в сфере действия двух или более стратегий приписывания падежа, возникает "падежный конфликт". Из определения структурного падежа, в основном принятого в падежной теории GB, следует, что синтаксические структуры, содержащие падежные конфликты, должны быть грамматически неправильными. Я же покажу ниже, что падежные конфликты – нормальное явление в падежных языках и они приводят к неправильности соответствующих структур только тогда, когда не существует принципиального способа их разрешения. Например, NP, содержащие категории, требующие приписывания им падежа исходя из внутреннего контекста NP, всегда содержат падежный конфликт, но тем не менее они правильно оформлены, в NP русского языка типа [*пять книг*]_{NP} им. ядерное существительное *книг* (РОД МН) находится на пути перетекания ИМ падежа, приписанного N^{im} (максимальной проекции существительного, т.е. всему именному словосочетанию. – *Примеч. пер.*), и в сфере действия квантора *пять* (ИМ), приписывающего РОД падеж (см. [18, 17], где подробно описывается разрешение падежного конфликта).

рительным (ТВОР) падежом, *завидовать* требует ДАТ падежа, а *заслуживать* – РОД. Все лексические категории в принципе способны приписывать Лексический падеж: в русском языке помимо глаголов и предлогов приписывать Лексический падеж могут прилагательные (*доволен* + ТВОР) и отглагольные существительные (*торговля* + ТВОР). Каких-либо закономерностей в том, какие же конкретные представители этих лексических категорий могут приписывать Лексический падеж обнаружить не удается. Лексический падеж иногда называют "капризным падежом", ибо он является непредсказуемым, идиосинкразическим свойством того слова, которое его приписывает. Тем самым он является типичным источником межъязыковой вариативности [например, русский предлог *на* приписывает своему комплементу^{11*} местный падеж (*На столе лежат книги*), а соответствующий ему в литовском предлог *ant* требует РОД падежа (*Ant stalo yra knygos* "На столе лежат книги")].

Падеж, приписываемый на лексической основе, обладает двумя уникальными синтаксическими свойствами:

- (2) а. Лексический падеж, которого требует лексема-хозяин, **о б я з а н** быть приписан ее именному комплементу и **о б я з а н** получить морфологическую реализацию; он, следовательно, не может быть заменен никаким другим типом падежа (например, объекту глагола, приписывающего падеж на лексической основе, не может быть приписан партитивной РОД или РОД отрицания, поскольку оба они суть Семантические падежи). Итак, Лексический падеж обязателен.
- б. Все лексические и фразовые категории, входя в состав NP, которой был приписан Лексический падеж, **о б я з а н ы** получить тот же самый Падеж, образно говоря, Лексический падеж должен "перетечь" (percolate) от вершинного узла NP ко всем ее фразовым и лексическим составляющим. Иными словами, дистрибуция падежей внутри NP, получающей Лексический падеж, должна быть однородной. Если же NP отмечена Конфигурационным падежом, то дистрибуция падежей внутри такой NP гетерогенна при условии, что данная NP включает в себя кванторную группу QR (см. примеч. 7).

Свойство (2а) следует из того факта, что Лексический падеж всегда является идиосинкразическим свойством конкретной лексемы. Поскольку Лексический падеж, приписываемый глаголом своему комплементу, непредсказуем, он должен быть указан в словарной статье этого глагола как часть информации о его сочетаемости, или, в терминологии Хомского, Лексический падеж есть часть свойственной данной лексеме Категориальной Селекции [6]. Так, в словарной статье глагола *владеть* должно быть не только указано, что он принимает именное дополнение, но и оговорено, что это дополнение должно быть помечено ТВОР падежом. Коль скоро Лексический падеж указывается в словаре среди прочих сочетаемостных свойств глагола (в зоне его категориальной селекции), то он попадает под действие Принципа Проекции, который гласит, что сочетаемостные (селективные) свойства ядра синтаксической группы должны сохраняться на всех уровнях синтаксического представления (см. 2*). Если падеж, требуемый лексемой, будет отсутствовать в синтаксическом представлении, то синтаксическая структура будет аномальной по причине нарушения ею Принципа Проекции. [В стандартной падежной теории GB утверждается, что Ингерентный падеж, соответствующий нашему Лексическому, присваивается на уровне D-структуры (тогда как Структурный падеж – на уровне S-структуры). Если Лексический падеж "присваивается" как ингерентное свойство компонента, сочетающегося с некоторым глаголом, то Принцип Проекции обеспечит реализацию этого свойства как на уровне D-структуры, так и на уровне S-структуры.]⁹ Данный

⁹Конфигурационные падежи в той теории, которая здесь предлагается (и Структурные падежи в падежной теории GB), – это синтаксические (грамматические) падежи в том смысле, что их появление определяется особенностями поверхностно-синтаксических конструкций, а не спецификой конкретных лексем.

подход объясняет также и другую основополагающую особенность Лексического падежа – его способность "побеждать" любой другой тип падежа в ситуации падежного конфликта (ср. Падежную иерархию в [7]): если бы именному компоненту при лексеме, требующей определенного Лексического падежа, был приписан любой другой тип падежа (например, РОД отрицания в русском языке), то полученное предложение было бы аномальным, поскольку оно с неизбежностью нарушало бы Принцип Проекции: *Он не владеет никакими иностранными языками.

Это предложение можно сделать грамматичным двумя способами: заменив *владеет* на "переходный" глагол, т.е. глагол типа *знает*, который требует при себе именного компонента, но не налагает сочетаемостных ограничений на его падеж, или заменив Семантический падеж – РОД – на лексически задаваемый ТВОР (см. [3, прим. 12]).

Фрейдин и Бэбби [19] представляют это универсальное свойство Лексического падежа в виде Принципа Лексической Совместимости (ПЛС), гласящего, что сочетаемостные требования ядерных лексем должны соблюдаться. Объяснение синтаксического поведения Лексического падежа в терминах Принципа Проекции имеет два преимущества: 1) Принцип Проекции есть независимый принцип грамматики, включающий в себя ПЛС; 2) Принцип Проекции, но не ПЛС, допускает существование морфолексических правил, способных менять сочетаемостные свойства слова, в частности, способных снять лексически задаваемый падеж (Принцип Проекции применяется к тому, что имеется на выходе лексических правил)¹⁰.

4.1. Следующий вопрос – почему внутрифразовая дистрибуция падежей в случае NP, маркированной Лексическим падежом, должна быть однородной (см. (26): ср. с *этими пятью книгами*/**книг*) в отличие от гетерогенной дистрибуции падежей в NP, маркированных Конфигурационным падежом (ср. *эти пять книг*/**книги*): см. [17], где доказывается, что ядром NP является *книг*, а не *пять*.

В [13] было показано, как можно объяснить гомогенность падежей в NP, получивших падеж на лексической основе, без введения каких-либо новых принципов в теорию падежа, если считать, что лексический падеж приписывается ядру N⁰ именной группы (а не ее максимальной проекции, как в случае Конфигурационного падежа (и что этот признак ядра с обязательностью распространяется (проецируется) вверх по дереву вплоть до N^m, вместе с другими синтаксическими и категориальными признаками ядерного существительного¹¹. Падежный признак, приписанный N⁰, обязан подняться до N^m (обеспечивая гомогенность падежей на своем пути), потому что: 1) NP без падежной маркировки на уровне N^m является аномальной (неправильно оформленной), ибо ее не пропустит Падежный Фильтр^{12*} [в синтаксисе "учитываются" (являются "видимыми") только падежные признаки, приписанные N^m]; 2) соглашение о Признаках Ядра требует, чтобы все признаки, приписанные ядерной составляющей X⁰, были приписаны и дальнейшим проекциям X⁰ [11, с. 610].

Таким образом, гомогенность внутрифразовой дистрибуции Лексического падежа (26) вытекает из принципов грамматики, имеющих независимое обоснование [напо-

¹⁰Если считать, что пассивизация есть морфолексическое правило, достигающее своих синтаксических эффектов благодаря Принципу Проекции, то мы можем объяснить тот факт (на который мне указал Дж. Фаулер), что в русском языке некоторые глаголы, присваивающие Лексический падеж, могут пассивизоваться (в русском языке при пассивизации объект глагола должен стать субъектом, что влечет за собой приписывание ИМ падежа NP, бывшей до того объектом). Например, хотя глагол *управлять* приписывает своей объектной NP в активных предложениях Лексический падеж, он тем не менее пассивизируется; однако большинство глаголов, приписывающих Лексические падежи, в русском языке пассивизоваться не могут. Таким образом, пассивизация глагола, приписывающего Лексический падеж, сама по себе является идиосинкразическим свойством, которое должно указываться в словарной статье глагола. В испанском языке глаголы, приписывающие Лексический падеж, регулярно пассивизируются, потому что объектная NP, становясь субъектом, способна сохранять свой косвенный Лексический падеж.

¹¹Направление распространения "вверх от X⁰ к X^m" (в противовес направлению "вниз от X^m к X⁰") широко дискутируется в литературе, см., например [5, с. 265–266, 20, с. 252; 21, с. 57; 22, с. 9; 23, с. 94].

минаем, что (2а) вытекает из Принципа Проекции]. Напротив, Конфигурационный падеж приписывается максимальной проекции – N^m – в зависимости от ее синтаксического контекста, и он спускается вниз вплоть до ядерного N ; однако, как мы увидим ниже, нет такого принципа, который требовал бы, чтобы он непременно достиг ядра (ср. [Эти пять [книг]_{N:POD}]_{NP:IM}). Такое объяснение внутренней однородности именных групп, маркированных Лексическим падежом, вполне соответствует природе сочетаемостных ограничений: если, как мы предположили, лексема-хозяин сочетаемостных ограничений приписывает Лексический падеж своему именному комплементу в качестве сочетаемостного свойства, то следует ожидать, что он будет приписан скорее ядру комплемента, нежели его максимальной проекции, поскольку, как известно, сочетаемостные отношения устанавливаются между ядрами. Я тем самым предполагаю, что Лексический падеж по существу является сочетаемостной характеристикой и потому естественным образом приписывается категорией X^0 категории N^0 – ядру именного комплемента (затем поднимается вверх до категории N^m). Конфигурационный падеж (в GB-теории – Структурный падеж) по существу своему является синтаксическим свойством и должен поэтому приписываться категории N^m – единственной проекции ядра, которая является "видимой" на уровне предложения и взаимодействует с остальной его частью.

Фрейдин и Спраус в неопубликованной работе (Freidin R., Sprouse R.A. Lexical case phenomena) недавно предложили альтернативное объяснение падежной гомогенности внутри NP, маркированных Лексическим падежом. Они также отмечают, что Лексический падеж связан с сочетаемостными отношениями между ядрами, и далее рассуждают так: если Лексический падеж приписан категории N^m , он должен обязательно спуститься по дереву до ядерного существительного, чтобы избежать нарушения сочетаемостных ограничений между хозяином Лексического падежа (X^0) и ядром его именного комплемента, маркированного Лексическим падежом. Приписывание падежного признака всем категориям на пути от N^m к N^0 обеспечивает гомогенность внутрифразовой дистрибуции падежа точно так же, как это происходит, согласно объяснению, предложенному нами выше, при подъеме признака от N^0 к N^m . Хотя оба подхода способны объяснить наблюдаемые факты, последний кажется нам предпочтительным, потому что он 1) сохраняет единство процесса приписывания падежа N^m (и, следовательно, единственный путь распространения падежа от N^m к N^0); 2) создает основу для трактовки (2а) и (2б) как единого явления, относящегося к области сочетаемостных ограничений.

4.2. Приведенное выше объяснение обязательности Лексического падежа позволяет сделать следующее верное предсказание: если именная категория оказывается в области действия двух лексем, приписывающих Лексический падеж, то такая структура аномальна в своей основе: независимо от того, какой из двух Лексических падежей будет приписан, невозможность приписать второй приведет к нарушению Принципа Проекции. (Я, разумеется, исхожу из того, что каждой именной категории в русском языке может быть приписан только один падежный признак.) Рассмотрим следующий пример: глагол *владеть* требует дополнения в ТВОР падеже; предлог-квантор *по* со значением дистрибутивности требует ДАТ падежа (см. [24], где обсуждается морфосинтаксис небольшого класса предлогов, которые предлагается анализировать как кванторы, входящие в состав NP). Предложения (3а) и (3б) аномальны, потому что каждое из них содержит неразрешимый падежный конфликт:

(3) а) *Они владеют {по иностранному (ДАТ) языку (ДАТ)}_{NP:ТВОР}.
 б) *Они владеют {по иностранным (ТВОР) языком (ТВОР)}_{NP:ТВОР}.
 в) Они знают {по иностранному (ДАТ) языку (ДАТ)}_{NP:ВИН}.

Предложение (3в) – правильно оформленное, потому что оно содержит только одну лексему, приписывающую Лексический падеж: предлог-квантор *по* и требуемый им Лексический ДАТ падеж выражен. Глагол *знают* – "переходный", т.е. объектная NP, которую он требует, по сути своей не связана ни с каким Лексическим падежом.

Абстрактный ВИН падеж приписывается ей на основе того синтаксического контекста, в котором она фигурирует в S-структуре (см. разд. 6), и он перетекает от N^m вниз настолько, насколько это возможно. В (3в) он не получает морфологического выражения, поскольку сами предлоги в русском языке не склоняются, а ядерному существительному и его определению предлог-квантор *по*, входящий в состав NP, уже приписал Лексический ДАТ. Объектная NP в (3в) правильно оформлена (несмотря на присущий ей падежный конфликт), так как в грамматике нет принципа, который требовал бы, чтобы абстрактный Конфигурационный падеж распространялся вниз по дереву вплоть до лексической категории и был морфологически выражен. В ней, как мы видели выше, есть другой принцип, требующий обязательной выраженности Лексического падежа [см. обсуждение примеров в (5)].

4.3. Следует остановиться еще на двух аспектах приписывания Лексического падежа, поскольку они служат источником другого типа межъязыковой вариативности: в некоторых языках глагол допускает приписывание падежа вовне (т.е. своему субъекту), а не только своим внутренним аргументам^{12*} (см. [10, с. 447], где приводятся примеры из исландского языка)¹².

Пример литовского языка доказывает, что в некоторых языках определенные глагольные суффиксы могут сами приписывать Лексический падеж субъекту того глагола, к основе которого они добавлены¹³. Например, суф. *-ant* может быть присоединен к любому глаголу в ходе продуктивного словообразовательного процесса, функция которого – получение неличной глагольной формы, образующей нефинитное предложение, семантически эквивалентное финитному придаточному предложению времени [см. ниже (4)]. Единственное изменение аргументной структуры глагола при присоединении к нему суф. *-ant* состоит в том, что субъектному аргументу глагола должен приписываться ДАТ падеж. Раз этот ДАТ падеж приписывается субъекту любого глагола с суф. *-ant* (сами глаголы в литовском, в отличие от исландского, не могут приписывать Лексический падеж внешнему аргументу), мы можем с уверенностью заключить, что ДАТ падеж в этих конструкциях является лексическим свойством не глагола, а его суффикса (*-ant* не изменяется по числам, лицам и т.д.) [14]. Например:

(4) [*Mums bešnekanť*], *vaikai žaidė*.

Нам (ДАТ) разговаривая, дети (ИМ) играли.

"[Пока мы разговаривали], дети играли".

Доказательства того, что в русском языке инфинитивы приписывают своим субъектам ДАТ падеж, будут даны в разд. 10.

5.0. КОНФИГУРАЦИОННЫЙ ПАДЕЖ

Конфигурационный падеж по своим синтаксическим свойствам резко отличается от Лексического падежа, и эти его свойства помогают объяснить многие фундаментальные различия в падежных системах языков мира. Например, главное типологическое противопоставление ИМ/ВИН-языков и ЭРГ(атив)/АБСОЛ(ютив)-языков может быть описано в терминах тождества X'-структур (см.^{3*}) и различия синтаксических стратегий приписывания Синтаксического падежа входящим в них NP (см. [26, 2, 3]).

Самые распространенные Конфигурационные падежи – ИМ, ВИН и приименной РОД. В падежной теории GB ИМ и ВИН определяются в терминах структурных отношений на уровне S-структуры, а именно отношения управления со стороны

¹²Тот факт, что исландские глаголы могут приписывать Лексический падеж субъектной позиции, важен и по другой причине. он подкрепляет данное нами в [25] доказательство (основанное на идиосинкразическом характере безличных предложений в славянских языках), что по крайней мере в некоторых языках глаголы налагают сочетаемостные ограничения не только внутри глагольной группы, но и вне ее.

¹³Факты литовского языка свидетельствуют в пользу гипотезы, по которой некоторые аффиксы должны рассматриваться как лексические единицы, обладающие своими собственными сочетаемостными свойствами, и как ядро того слова, в состав которого они входят (см. [26, 45]).

определенной лексической категории^{14*}. Вспомним, однако, что падежная теория GB объясняет приписывание приименного РОД падежа в других, более широких терминах, – синтаксический контекст, в котором возникает этот падеж, описывается с помощью X'-конфигурации (см. [NP – –X']). Здесь мы рассмотрим гипотезу, согласно которой универсальная теория Синтаксического падежа требует отказа от узкого определения ИМ и ВИН падежа через управление со стороны лексической категории X⁰, принятого в настоящее время, в пользу более широких, более абстрактных синтаксических конфигураций типа той, которая предложена Хомским для приписывания приименного РОД. Этот подход позволяет нам объяснить тот факт, что хотя все языки имеют падежи, задаваемые конфигурационно, конкретные конфигурации – а следовательно, и синтаксическая дистрибуция падежей – могут быть различными в разных языках и даже в разных диалектах одного языка. Подчеркнем, что выше мы утверждали, что Лексический падеж приписывается не при условии управления (и вообще не "приписывается"), а Семантический падеж не приписывается управляющей категорией^{15*}. Если гипотеза, что Конфигурационный падеж не обязательно приписывается управляющей лексической категорией, верна, то мы должны заключить, что привязывание выбора падежа к структурному отношению управления не может служить основой универсальной теории абстрактного падежа¹⁴.

На основе предложенного выше понимания Конфигурационного падежа можно предсказать, что: 1) одно предложение может содержать более чем одно вхождение данного синтаксического падежа; 2) падеж, приписанный NP, не полностью определяется ее непосредственным контекстом, описываемым в терминах X'-конфигураций, т.е. если NP не был приписан Лексический, Семантический или какой-либо "приоритетный" Конфигурационный падеж [ср. приписывание в русском языке РОД падежа категории Nⁿ (существительному) категорией Q^m (количественным числительным) в составе именной группы, максимальной проекции которой приписан ИМ или ВИН падеж], то лишь тогда ей приписывается Конфигурационный падеж, определяемый той локальной X'-конфигурацией, в которой она находится. Это особенно ясно видно в ЭРГ/АБСОЛ-языках (где Синтаксический падеж, приписываемый субъекту, зависит от переходности глагола-сказуемого) и в языках с расцепленными эргативными падежными системами, в которых именные группы в одних и тех же синтаксических позициях (субъекта и прямого объекта) получают синтаксический падеж то по модели ИМ/ВИН, то по модели ЭРГ/АБСОЛ, в зависимости от таких факторов, как время, выраженность данных NP местоимениями и т.д. Непонятно, как объяснить данные явления с позиции теории, которая приписывает синтаксический падеж исключительно в терминах управления со стороны лексических категорий (X⁰).

Канонический Конфигурационный падеж факультативно приписывается именной группе (N^m) на уровне S-структуры в зависимости от ее позиции в X'-структуре (лишь приписывание Лексического падежа является обязательным). Ничто не требует перетекания Конфигурационного падежа от N^m вниз на N⁰, если ядру N⁰ или узлам, непосредственно доминирующим над ним, падеж приписывается на другом основании. Например, в следующем русском предложении абстрактный ИМ падеж, приписанный субъектной NP (о том, что это субъект, мы знаем благодаря тому, что данная NP требует согласования с ней сказуемого во множественном числе), не может перетечь вниз на какую бы то ни было из ее лексических составляющих, потому что им всем внутри NP предлоги-кванторы *от* и *до* приписали Лексический падеж РОД: *от* + РОД и *до* + РОД [ср. (3в)].

¹⁴Понятие Конфигурационного (vs Структурного) падежа, предлагаемое в данной статье, полностью согласуется с фундаментальными положениями Хомского. Так, он отмечает, что " падеж приписывается именным группам на основе той конфигурации, в которую они входят, и переходит на ядро группы" [5, с. 49]; " ..Структурный падеж приписывается исходя из позиции в S-структуре" [6, с. 296]. На самом деле, определение Конфигурационного падежа, которое не обязательно включает в себя управление компонентом со стороны ядра, ближе к первоначальной концепции синтаксически задаваемого падежа у Хомского, нежели к его же формальному определению Структурного падежа

(5) [От двух до трех миллионов человек]_{NP} им ежегодно посещают зоопарк¹⁵.

Конфигурационный падеж может встретиться у любой NP предложения, который не был приписан Лексический или Семантический падеж. Его приписывание очевидным образом происходит после того, как закончили свою работу правила передвижения, например, NP прямого объекта, перемещаемые в позицию субъекта в пассивных предложениях, маркируются ИМ падежом, что соответствует их позиции в S-структуре, а не ВИН падежом, что соответствовало бы их базовой объектной позиции¹⁶.

Рассмотрим для начала дистрибуцию ВИН падежа в русском языке. Сначала предположим, что абстрактный ВИН падеж приписывается составляющей N^m в локальной конфигурации вида (ба), а не (бб) (окончательная версия правила будет дана в разд. 6.3).

(6) а. $[X^0 N^m]_X$.

б. $[V^0 N^m]_X$.

Более абстрактная конфигурация (ба) нужна для отражения того факта, что в русском языке ВИН регулярно приписывается не только прямому объекту переходного глагола, но и именным комплементом ряда прилагательных, предлогов, предикативов (которые в русском составляют особую лексическую категорию), а в некоторых диалектах также и пассивным причастиям в безличных предложениях (см. ниже)¹⁶. Заметим, что хотя приписывание падежа в (ба) связано с управлением, это управление осуществляется ядерной лексемой, которая не обязана относиться к какой-либо конкретной лексической категории (см. разд. 2.0). (Напомним, что Лексический падеж приписывается конкретной лексеме.)

6.0. СТАНДАРТНОЕ ПРИПИСЫВАНИЕ ВИНТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

Выше было предложено считать ВИН падеж Конфигурационным в том смысле, что он приписывается на уровне S-структуры любой NP, входящей в область S^{17*} , которая выступает в качестве комплемента лексической категории X^0 (разумеется, при условии, что X^0 не требует приписывания Лексического падежа). Таким образом, хотя приписывание ВИН падежа и не является особенностью какой-либо одной лексической категории, оно, согласно (ба), связано с конкретной грамматической функцией, а именно с функцией комплемента¹⁷. В русском языке, например, X^0 в (ба) может быть не только глаголом, но и предлогом (см. разд. 6.2.3), прилагательным [должен в (7)], категорией состояния (8) или пассивным причастием (при условии, что предложение безлично [см. (9)]).

(7) а. Я должен ему большую сумму.

б. Ему больно руку.

(8) а. Нам было жаль бабушку.

(9) а. Брата взято в армию и слыху нет¹⁸.

¹⁵Доказательство того, что подлежащее в (5) имеет внутреннюю структуру, отличную от структуры предложной группы, см. в [24]. Заметим также, что если бы субъектной NP в (5) не был приписан абстрактный ИМ падеж, это предложение противоречило бы Принципу Именительного Падежа Бауэра (подробнее о нем см. в разд. 9 и 10).

¹⁶Заслуживает внимания то, что комплементом существительных приписывается РОД, а не ВИН падеж, Ип и др. [3], описывая это, утверждают (и, по-моему, правильно), что приписывание падежа в предложениях и в NP образует две совершенно различные области падежного приписывания.

¹⁷Если приписывание падежа тесно связано с управлением, а управление определяется как структурное отношение (с-командование (см. ^{10*})) между ядром и его комплементом, имеющее место в области ядра^{17*}, то, строго говоря, все стандартно приписываемые Структурные падежи служат только для маркировки отношения между ядром и комплементом. Ниже я покажу, что эта точка зрения слишком узка для универсальной теории Синтаксического падежа.

¹⁸Конструкция типа (9) возможна только в русских диалектах (примеры взяты из [27, с. 27], см. [28, с. 130]) в литературном украинском языке, однако, возможны как безличные переходные пассивные конструкции, так и стандартные пассивные конструкции (см. [29, 25]).

б. *Корову дадено на три семьи.*

Если подытожить характерные свойства Структурного падежа по GB [см. (10)], то дистрибуция ВИН в русском языке со всей очевидностью демонстрирует, что (10а) никак не может быть универсальной характеристикой Синтаксического падежа; к (10б) мы вернемся ниже.

(10) а. X^0 должна быть конкретной лексической категорией (V^0 в случае ВИН).

б. X^0 должна управлять NP (где управление определяется как структурное отношение между ядром и его компонентом).

В разд. 6.1 – 6.3 мы подробнее рассмотрим дистрибуцию ВИН в русском языке и дадим окончательную версию аккузативной конфигурации [см. (14)].

6.1. Теория GB объясняет обязательность передвижения NP прямого объекта в позицию субъекта в пассивных предложениях английского языка с помощью процесса Абсорбции Падежа. О суффиксе пассива *-en*, присоединяемом к переходному глаголу в ходе пассивизации, говорится, что он абсорбирует ВИН падеж, который активный глагол приписывает своему объекту. Лишенная падежа, NP объекта в пассивном предложении обязана переместиться в ближайшую доступную синтаксическую позицию, не охарактеризованную по тематической роли^{18*}, чтобы обрести в этой позиции падеж и тем самым удовлетворить требованию Падежного Фильтра (см. ^{12*}); как правило, это – позиция субъекта (ср., однако, англ. *There were five men killed* [t]^{19*} "Пять человек было убито"). Такой анализ по сути утверждает, что пассивная морфема фактически выступает как детранзитивизатор, и, следовательно, он предсказывает, что в пассивных предложениях исключено появление прямых объектов в ВИН падеже. Но данные русского языка в (9) показывают, что пассивные причастия ($V + -en$) на самом деле допускают при себе именные группы в ВИН падеже с функцией прямого дополнения. Прямой объект в ВИН падеже встречается одновременно с пассивным причастием в русском и украинском языках только в предложениях, не имеющих поверхностного подлежащего, т.е. в безличных предложениях (см. [29], где рассматривается украинский язык). Это можно объяснить двумя разными способами: 1) позиция субъектной NP заполняется нулевым эксплетивом, что исключает перемещение прямого объекта в эту позицию; 2) в славянских безличных предложениях вообще отсутствует субъектная позиция, в которую могла бы переместиться NP прямого объекта (подробнее см. [25]¹⁹).

Существование пассивных причастий с поверхностными объектами в ВИН падеже прекрасно согласуется с гипотезой Конфигурационного падежа: ВИН приписывается NP прямого объекта пассивного причастия точно так же, как этот падеж приписывается прямому объекту финитного переходного глагола – в терминах конфигурации (6а), где лексическая категория ядра не фиксирована.

Это подводит нас к осознанию тонкого различия: Конфигурационное понятие синтаксического падежа, в отличие от понятия Структурного падежа в GB, не означает, что ВИН падеж приписывает ядерная составляющая X^0 в (6а); ВИН приписывается именной группе в терминах более широкой синтаксической конфигурации, одной из составляющих которой выступает X^0 . Если это так, то (10б) также неверно: если не только X^0 отвечает за приписывание ВИН падежа, то условие, связывающее приписывание падежа с управлением, оказывается слишком строгим. Дополнительные аргументы против того, чтобы считать (10б) универсальной характеристикой Синтак-

¹⁹Если верно, что в английском языке есть только Конфигурационный падеж (см. [5]), тогда английские предложения типа нижеследующего также должны допускать совместную встречаемость пассивного причастия с прямым объектом еще более ослабляя эмпирическую поддержку идеи Абсорбции Падежа: *John* [was given [a book]]_{NP ACC_{IVP} (см. [25]).}

сического падежа, представлены в разд. 6.3, где рассматривается приписывание ВИН падежа чисто именным обстоятельственным группам²⁰.

6.2. В языках типа русского, имеющих грамматическую категорию падежа, NP, выступающие в качестве глагольных compleментов, получают ВИН, РОД, ДАТ и ТВОР падежи. Мы считаем, что ВИН падеж – Конфигурационный, тогда как остальные обусловлены лексически, на том основании, что синтаксическое поведение NP в ВИН падеже резко отличается от поведения тех именных compleментов глагола, которым приписаны иные падежи²¹. Ниже приводятся важнейшие данные в пользу такого разграничения.

6.2.1. П а с с и в. В русском языке регулярно пассивизируются только такие глаголы, объекту которых в активных предложениях приписывается ВИН падеж (исключение см. в примеч. 10). Глаголы, которые приписывают своим compleментам ДАТ, ТВОР или РОД падежи, обычно не пассивизируются, поскольку каноническая пассивизация в русском языке требует, чтобы объектной NP был приписан ИМ падеж, что в случае объектных NP с Лексическим падежом повлекло бы нарушение Принципа Проекции (см. разд. 4.1)²².

6.2.2. Н о м и н а л и з а ц и я. Косвенный Лексический падеж, который глагол приписывает своему объекту, сохраняется у соответствующего отглагольного имени, а ВИН падеж при номинализации никогда не сохраняется (подробнее см. в разд. 7.0).

6.2.3. П р е д л о г и с c о м п л е м е н т а м и в В И Н п а д е ж е^{11*}. Мы утверждаем, что ВИН падеж, приписываемый compleменту предлога, Конфигурационен, потому что он ведет себя не как Лексический падеж. Выше, в разд. 5.0, мы установили, что в количественной NP, которой приписан Лексический падеж, падежи ее составляющих (существительного и числительного) должны быть одинаковы, т.е. РОД падеж, приписываемый в сфере действия числительного, здесь исключен. Но когда количественная NP выступает в качестве compleмента предлога, управляющего ВИН падежом, падежи ее составляющих не одинаковы: требуется приписывание существительному количественного РОД падежа:

(11) а. [pp на [NP-ВИН *пять книг/книги*]].

б. [pp к [NP-ДАТ *пяти книгам/книг*]].

Следовательно, предлог *на* (подобно переходному глаголу) избирает именным compleментом, падеж которого определяется синтаксически; предлог *к*, напротив, приписывает падеж лексически: он избирает дополнение с "врожденным" ДАТ падежом.

Есть еще одно важное свидетельство в пользу того, что припредложный ВИН падеж не является Лексическим падежом и, соответственно, предлоги, управляющие

²⁰Если ВИН падеж приписывается NP прямого объекта не тем глаголом, который ею управляет, то придется пересмотреть сделанное Бурцио обобщение.

Наличие в русском языке безличных переходных глаголов – еще одно свидетельство против обобщения Бурцио: эти глаголы приписывают семантическую роль для позиции прямого объекта в ВИН падеже, но не приписывают внешней семантической роли (т.е. роли для субъектной позиции. – *Примеч. пер.*); например (см. [25]): *Его тошнило от пищи*

²¹Бауэрс в неопубликованной работе [Bowers J. The syntax and semantics of predication. Cornell. 1990 (Mans.)] предложил проводить структурное различие (в терминах структуры составляющих) между прямыми объектами, которые трактуются им как "вторичные" субъекты внутри глагольной группы, и прочими глагольными compleментами. Я здесь отстаиваю ту точку зрения, что наиболее важное различие между NP в ВИН падеже и глагольными compleментами в косвенных падежах есть различие в типе падежа (Конфигурационный vs. Лексический). Возможно, правы мы оба.

²²Естественно спросить, почему косвенные объекты, помеченные Лексическим падежом, не становятся в русском косвенными субъектами пассивных предложений, как это происходит в исландском (см. разд. 9)? Исходя из того, что русский язык, как и английский, имеет синтаксическую позицию субъекта, Фрейдлин и Спраус предлагают следующее объяснение: русские глаголы не приписывают Лексическим падежам своим субъектам в активных предложениях, и поэтому субъекты, помеченные Лексическим падежом, "запрещены" и в пассивных предложениях. В исландском языке, напротив, активные глаголы могут приписывать своим субъектам Лексический падеж и поэтому они допускают превращение объектов, помеченных Лексическим падежом, в косвенные субъекты в пассиве.

ВИН падежом, не являются "поставщиками" Лексического падежа. В русском языке, хотя и очень редко, предлог может принимать в качестве дополнения предложную группу (т.е. встречаются структуры вида [PP PP]), но только в том случае, если матричный предлог Р в норме имеет комплемент в ВИН падеже. Если бы ВИН падеж, ассоциируемый с матричным предлогом, был Лексическим, то в примерах типа (12) возникал бы конфликт между двумя лексическими падежами и такие примеры были бы неграмматичными (см. разд. 4.2; [30, с. 40]).

(12) *Я оставил работу* [PP на [PP после [NP-род обеда]]].

Если же предлог *на* не является "поставщиком" Лексического падежа, то правильность (12) легко объяснима: конфигурационный ВИН падеж, приписываемый именному комплементу *на*, попросту не приписывается, когда этот комплемент – предложная группа (PP)²³. Напомним, что отличительное свойство Конфигурационного падежа – это его "остаточность", в том смысле, что его приписывание составляющей X^n необязательно и его неспособность "пробиться" к ядру составляющей (X^0) в том случае, когда он приписан составляющей X^m , не влечет за собой неправомерности полученной структуры.

6.2.4. РОД падеж при отрицании. В русском языке NP, имеющей ВИН падеж в утвердительном предложении, может быть приписан РОД падеж (РОД отрицания) в соответствующем отрицательном предложении. Ни ТВОР, ни ДАТ не могут заменяться на РОД в сфере действия отрицания. Этот факт выводится прямо из Принципа Проекции, если считать ТВОР и ДАТ падежи Лексическими, а ВИН – Конфигурационным. [В русском языке РОД при отрицании факультативен и воздействует на общий смысл предложения; следовательно, это – Семантический падеж. Но в польском и литовском предложении РОД при отрицании подобен количественному РОД в русском языке: он должен приписываться, если для этого есть возможность (т.е. если не был приписан Лексический падеж), и он не вносит вклада в семантику; таким образом, РОД отрицания в польском и литовском языках – это Конфигурационный падеж.]

6.3. Обстоятельства, выраженные чистым именем существительным, оформляются в русском языке ВИН падежом [см. (13a)], и здесь ВИН падеж опять-таки ведет себя как Конфигурационный падеж: он может заменяться РОД падежом в сфере действия отрицания точно так же, как это происходит с ВИН падежом прямого объекта при переходном глаголе [см. (13б)].

(13) а. *Ты работаешь у нас уже [месяц]_{NP,ВИН}.*

б. *Ты у нас еще и [месяц]_{NP,РОД} не работаешь.*

Поскольку чисто именныя обстоятельства не принадлежат к числу синтаксически обязательных комплементов глагола (are not subcategorized complements of the verb), их оформление ВИН падежом не может быть объяснено тем, что V^0 управляет ими [см. (10б)]. Примеры типа (13а), а также данные о чередовании ВИН и ИМ падежа чисто именныя обстоятельства в финском языке, приведенные в докладе [Maling J. Objects, adverbs and Grammatical case in Finnish // Proc. of the 12 Scandinavian Conf. on linguistics (Mans.)], демонстрируют также то, что Конфигурационный ВИН падеж не может быть привязан к определенной синтаксической функции: он приписывается обстоятельственным NP точно так же, как NP прямого объекта (см. дополнительные свидетельства в разд. 7.3 и 10) Это означает, что синтаксическая конфигурация, предложенная в (6а) для приписывания ВИН падежа в русском языке, все еще

²³Приведенное доказательство не страдает, даже если интерпретировать *после обеда* как наречие.

Наша гипотеза о конфигурационном, а не лексическом характере аккузативных комплементов у предлогов сама по себе не может объяснить, почему эти комплементы не меняют ВИН на РОД подобно прямым дополнениям, когда предложение подвергается отрицанию. Этот факт может быть объяснен со ссылкой на структуру глагольной группы в русском языке, предложенную недавно в неопубликованной работе: [Bailin J. The internal structure of VP and 'quirky' case in Russian. Cornell (Mans.)].

недостаточно абстрактна. Если считать, что чисто именные обстоятельства не являются составляющими X^{20*} , то конфигурация для приписывания ВИН падежа должна принять вид (14) (где X^n больше или равно X^0):

(14) $[X^n N^m]_{X^n+1}$.

Как мы увидим в следующем разделе, довольно абстрактные конфигурации типа (14) – это скорее правило, чем исключение, в языках, имеющих грамматическую категорию падежа²⁵.

7.0. КОСВЕННЫЙ КОНФИГУРАЦИОННЫЙ ПАДЕЖ

В той версии теории падежа, которая здесь представлена, для любого косвенного падежа имеется принципиальная возможность быть приписанным NP в определенном синтаксическом контексте. Типичный пример косвенного Конфигурационного падежа – приименной РОД, который (в норме) приписывается: 1) NP, выступающей в позиции комплемента ядерного существительного, которое не приписывает своему комплементу Лексического падежа; 2) чисто именным модификаторам существительного^{21*} (например, посессивным NP в словосочетаниях типа *таблица Менделеева*²⁶.

Более сложный вопрос, которому здесь мы не можем уделить должного внимания, состоит в следующем: может ли косвенный Конфигурационный падеж встречаться не только в области NP, но и в области предложения (см. 17**).

Данные целого ряда языков дают серьезные основания предположить, что косвенные Конфигурационные падежи встречаются и в составе глагольной группы (VP). Наверное, наиболее яркий пример можно найти в турецких каузативных предложениях: когда глагол подвергается каузативизации^{22*}, к его базовой аргументной структуре добавляется новая субъектная NP (внешний аргумент), а аргумент, бывший доселе внешним, становится "внутренним", т.е. делается одной из составляющих VP. Когда каузативизируется непереходный глагол, его базовый субъект занимает позицию прямого объекта внутри VP, которой конфигурационно приписывается ВИН падеж, точно так же, как в базовых предложениях с переходным глаголом. Но когда каузативизируется базовый переходный глагол, его оказавшемуся в составе VP субъекту приписывается ДАТ падеж: поскольку позиция прямого объекта занята, данная субъектная NP, по-видимому, вынуждена занять место косвенного объекта в VP, где ей приписывается ДАТ падеж. Следует отметить, что ДАТ падеж в предложениях с каузативом не может быть связан с операцией помещения внутри VP, как таковой, коль скоро оказавшемуся внутри VP субъекту непереходного глагола приписывается ВИН, а не ДАТ; по той же причине мы не можем связать ДАТ падеж с каузативным суффиксом; ясно также, что ДАТ падеж нельзя объявить Лексическим (селективным) признаком базового глагола. Единственное объяснение систематическому употреблению ДАТ падежа в предложениях с переходным глаголом,

²⁵Соблазнительная идея – просто объявить, что ВИН падеж NP задается конфигурационно, если она является составляющей VP на уровне S-структуры и ей не был раньше приписан Лексический падеж. Это, вероятно, сработало бы для современного русского языка, однако не подошло бы для исландского и древнерусского, где NP прямого объекта получают как ИМ, так и ВИН падеж (см. разд. 9–10), или для сербохорватского, где ВИН падеж появляется в составе субъектной NP, содержащей квантор (см. [1]). В действительности бессмысленно пытаться определить универсальные конфигурации для Конфигурационных падежей, хотя межъязыковые регулярности существуют, тот факт, что падежные системы по языкам различаются, следует по большей части приписать специфичности для каждого языка конфигураций, определяющих Синтаксический падеж.

²⁶Данные русского языка, приводимые ниже, согласуются с гипотезой Йипа и др. [3], по которой именная группа и предложение суть отдельные области в плане приписывания падежа. Термином "косвенный" я здесь обозначаю все падежи, кроме именительного и винительного, которые по традиции называются "прямыми" падежами.

В разд. 7.3 доказывалось, что ТВОР падеж, приписываемый агентивным NP в составе отглагольных номинализаций в русском языке, – это тоже Конфигурационный падеж.

подвергшимся каузативизации, дает конфигурационно обусловленное приписывание падежа в позиции косвенного объекта²⁷.

7.1. Ниже мы более подробно рассмотрим приписывание падежа внутри NP, потому что оно служит наиболее ярким примером действия нелокальной стратегии приписывания Конфигурационного падежа²⁸. Сначала кратко остановимся на локальном конфигурационном приписывании приименного РОД в контексте отглагольных существительных (русский язык не имеет герундивных номинализаций; см. [32]), а затем на нелокальном приписывании "приименного творительного" падежа.

7.2. Выше говорилось, что если некоторый глагол приписывает своему именному комплементу определенный Лексический падеж, то образованное от этого глагола имя, выступая в качестве ядра группы, приписывает своему именному комплементу тот же самый Лексический падеж (например, *торговая* + ТВОР есть имя, образованное от *торговать* + ТВОР). Но если падеж именного комплемента глагола ВИН, то именной комплемент соответствующего отглагольного имени должен быть РОД (*чтение* + РОД есть имя, образованное от *читать* + ВИН). Это соотношение дает основание заключить, что приименной РОД в составе NP есть прямая конфигурационная пара (counterpart) ВИН падежу прямого дополнения в составе VP²⁹.

Посессивные NP также выступают в РОД падеже и свободно сочетаются с приименными комплементами в том же РОД падеже:

(15) *Таблица элементов Менделеева.*

Именная группа типа (15) показывает, что канонически РОД падеж приписывается именной группе N^m , оказавшейся в следующей локальной конфигурации:

(16) $\{N^n N^m\}_{X^{n+1}}$, где N^n равно или больше, чем N^0 .

Поскольку в обозначении N^n степень распространения NP не фиксирована, это позволяет отразить возможность многократной встречаемости приименного РОД внутри NP³⁰.

²⁷Соответствующие турецкие примеры см. в [31]. Заметьте, что Хомский [5, с. 172] предлагает считать ДАТ падеж во французском языке "структурным падежом", который составляющая V' приписывает NP. Стив Фрэнкс в личном общении предложил считать контекстом для приписывания ДАТ падежа косвенным объектам в русском языке конфигурацию $\{VNP\}_{V'}$. Другим примером косвенного Конфигурационного падежа может служить предикативный ТВОР в русском языке. См. также разд. 10.2, где рассматривается ДАТ падеж, приписываемый нулевому (PRO) и ненулевым субъектам инфинитивов в русском языке.

²⁸Поскольку приписывание Структурного падежа в теории подразумевает управление со стороны определенной лексической категории, оно являет собой максимально "локальную" стратегию приписывания. В конфигурационном определении падежа, предложенном выше, не упоминается ни управление, ни конкретная лексическая категория [см. конфигурацию для ВИН падежа в (14)], но оно тем не менее является локальным, поскольку задается с помощью конкретной структурной конфигурации, без ссылки на падеж других NP, входящих с ним в одну область (см.¹⁷). Приписывание падежа можно назвать *нелокальным*, когда его встречаемость в определенной конфигурации зависит от падежа другой NP одной с ним области или когда его встречаемость не ограничена рамками конкретной структуры.

²⁹Заметим, что если бы ВИН падеж, приписываемый объекту при переходных глаголах, был Лексическим, он должен был бы сохраняться в номинализации. Трактовка приименного РОД падежа как Конфигурационного верно предсказывает, что приименным комплементом может факультативно приписываться партитивный РОД (-у), являющийся Семантическим падежом, вместо приименного РОД (-а): Семантический падеж может чередоваться только с Конфигурационным, но не Лексическим (ср. с чередованием партитивного РОД падежа с ВИН падежом в позиции прямого объекта при переходных глаголах). Пример партитивного РОД -у, приписанного приименному комплементу: [*стакан [горячего чая]*].

³⁰Сравним (14) и (16). В (14) необходима оговорка, что X не может быть N, и тем самым упускается из виду отношение дополнительности между ВИН и приименным РОД падежами. Но и (14) будет покрывать оба случая, если принять предложение Йипа и др. [3], что S и NP суть отдельные области приписывания падежа: конфигурация (14) дает РОД падеж, если $X = N$ (т.е. падежной областью является NP), и ВИН падеж во всех прочих случаях (в падежной области S).

7.3. Теперь можно перейти к анализу приписывания падежа NP, ядром которых является отглагольное имя³¹.

Если глагол переходный, то приименная NP в РОД падеже, связанная с его именным дериватом, однозначно интерпретируется как субъект (назовем его "субъектным РОД"), например *молчание детей* (ср. *Дети молчат*). Но когда имя произведено от переходного глагола, его приименной комплемент в РОД падеже неоднозначен: он может интерпретироваться и как субъект и как прямой объект соответствующего глагола. Так, во фразе *возвращение детей* РОД падеж *детей* имеет либо объектную ("детей возвращают"), либо "субъектную" интерпретацию (ср. "дети возвращаются") [33, с. 239; 34, с. 305].

Лексический падеж, приписываемый глаголом его объектной NP, при номинализации сохраняется, и поэтому при данном типе отглагольных имен РОД падеж зависимой NP однозначно интерпретируется как субъектный (как уже говорилось, в русском языке глаголы не могут приписывать Лексический падеж вне VP). Рассмотрим для примера отглагольное имя в (17) (глагол *управлять* принимает субъект в ИМ и требует, чтобы его объектная NP стояла в ТВОР) [12, с. 372–373]:

(17) а. *управление [дательным падежом]_{NP} ТВОР.*

б. *управление [имен прилагательных]_{NP} РОД.*

В (17а) комплементы в ТВОР падеже однозначно связаны с объектом глагола *управлять*, тогда как в (17б) РОД однозначно связывается с его субъектом³². Обе NP могут одновременно встретиться в составе одной NP. Как и следовало ожидать, NP в РОД падеже имеет только субъектное значение, а NP в ТВОР – только объектное значение [(18) цит. по [35, с. 64]]. (Следует обратить внимание на внутреннюю структуру английского перевода в (18).)

(18) *управление [дательным падежом] [глаголов, означающих "заботу"]* The government of the dative case by verbs denoting "anxiety" (ср.: *Глаголы, означающие "заботу", управляют дательным падежом*).

Если глагол переходный (т.е. требует при себе объектную NP, но не предписывает ей определенного падежа), то с учетом того, что было сказано выше, мы будем ожидать от соответствующего ему имени способности иметь при себе две группы в РОД падеже: одну с субъектным, другую – с объектным значением. Хотя отглагольные NP, содержащие две или более NP в РОД падеже, действительно часто встречаются в русском языке [см. (19а)], они считаются стилистически неудовлетворительными и нормативные грамматики рекомендуют заменять в таких группах субъектный РОД на ТВОР [см. (19б)]. (См. обсуждение примеров типа (19) в [37, с. 284].)

(19) а. *подбор учащихся примеров*³³.

³¹Ниже мы исходим из того, что отглагольные имена наследуют семантические роли глаголов, от которых они произведены, и распределяют эти роли в определенном порядке по позициям распространения категории N.

³²Так, (17а) может быть названием раздела грамматики, посвященного вопросу о том, что может управлять дательным падежом, тогда как (17б) может быть названием раздела, посвященного тому, какое управление свойственно прилагательным. *Руководство* – еще одно отглагольное имя, присваивающее объектный ТВОР (ср. *руководить* + ТВОР). Так, в *руководство партией партией* (ТВОР) однозначно интерпретируется как объект, а в *руководство партии партии* (РОД) однозначно интерпретируется как субъект [см. [36]].

³³Непримлемость NP типа (19а) нельзя просто списать на наличие двух NP в РОД падеже в одной и той же области: ведь NP типа (15) вполне правильны. Поскольку порядок слов в русских словосочетаниях, ядром которых являются отглагольные имена, свободен (свободный порядок слов обеспечивают морфологические падежи + семантические роли), мы можем предположить, что совместная встречаемость субъектного РОД и объектного РОД в рамках одной NP потенциально неоднозначна и поэтому расценивается как стилистически неудачная. Заметьте, что при перемене мест второго и третьего слова в (19а) *учащихся* могло бы быть истолковано как комплемент существительного *примеров*, что создало бы еще один вид неоднозначности, т.е. [_{NP} подбор [_{NP} примеров [_{NP} учащихся]]]. Дополнительные примеры совместного употребления субъектной и объектной генитивных групп можно найти в [34, с. 305] и [38, с. 133].

б. подбор примеров учащимися

ТВОР падеж в русском языке приписывается агентивным группам в позиции адъюнкта в пассивных предложениях; таким образом, употребление ТВОР падежа в NP типа (19б) параллельно употреблению *by*-групп в английских номинализациях (например, *the destruction of the city by the enemy* "разрушение города врагом").

NP типа (19а) с двумя примененными РОД падежами возникают в результате применения строго локальной стратегии приписывания падежа, формулируемой в терминах конфигурации, предложенной в (16), которая допускает неоднократное приписывание одного и того же падежа [см. (15)]: каждый РОД падеж приписывается независимо от других. Но приписывание субъектного ТВОР падежа в области отглагольного имени нельзя задавать локально: прежде всего следует принять во внимание, что субъектный ТВОР не может быть приписан NP – комплементу отглагольного имени, выступающему в семантической роли субъекта соответствующего глагола, если при этом отсутствует объектная NP (см. [39]), например:

(20) а. *исполнение Шалашиным

б. исполнение Шалапина.

в. исполнение арии Шалапиным

Необходимо также учитывать следующее: недостаточно просто считать, что при номинализации NP, соответствующей субъекту исходного глагола, приписывается ТВОР, а не РОД, если и только если при этом имеется еще NP с объектным значением: субъектной NP при номинализации в русском языке может быть приписан ТВОР, а не РОД, только если налицо объектная NP, которой уже приписан Конфигурационный (РОД) падеж. Как мы убедились на примере (18), если отглагольное имя приписывает объектной NP Лексический падеж, то субъектной NP приписывается РОД, и не ТВОР; ниже приведены дополнительные примеры этого ключевого типа приписывания падежа внутри NP.

(21) а. Дети занимаются музыкой

б. [занятия детей музыкой]_{NP}.

(22) а. Дети подражают родителям.

б. [подражание детей родителям]_{NP}.

Эти примеры показывают, что приписывание ТВОР падежа субъектной NP в русских номинализованных конструкциях определяется не локальной конфигурацией в том смысле, что выбор этого падежа напрямую зависит от присутствия другой NP с определенным типом падежа. [Я исхожу из того, разумеется, что NP типа (18) и (20в) имеют тождественные X'-структуры и, следовательно, объяснение различий в их падежном оформлении полностью относится к компетенции теории падежа.]

Ниже мы рассмотрим еще один случай нелокального приписывания падежа, когда займемся ИМ падежом и его нестандартным приписыванием объектным NP.

8.0. СТАНДАРТНОЕ ПРИПИСЫВАНИЕ ИМЕНТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

Согласно общепринятому мнению, ИМ падеж приписывается конфигурационно, причем Синтаксическим контекстом в данном случае служит элементарное предложение в целом. Теория падежа в GB сосредоточила свое основное внимание на приписывании ИМ падежа субъектной NP финитных предложений, где, как не без оснований утверждается, ИМ падеж приписывается субъектной NP, если ею управляет категория INEL [5] (см ^{5*}).

Но такой анализ ИМ падежа оказывается слишком узким для эксплицитной универсальной теории Конфигурационного приписывания падежа: ИМ падеж регулярно приписывается NP, не являющимся субъектами, и субъектным NP может приписываться не ИМ падеж. Например, в эргативно-абсолютивных языках падеж субъекта зависит от переходности глагола (это еще один пример нелокальной конфигурационной стратегии; см. примеч. 28). В русском языке РОД партитивный и РОД при отрицании регулярно приписывается субъектным NP вместо ИМ падежа [1,

23], а ИМ падеж в некоторых языках приписывается объектной NP, когда субъектной NP приписать ИМ падеж нельзя (см. ниже разд. 9–10).

8.1. В русском литературном языке ИМ падеж приписывается субъекту, топике, обращению, именной части сказуемого (т.е. NP₂ в конфигурации [NP₁ – связка – NP₂]_S), а также существительным, которые находятся вне синтаксических отношений предложения (например, восклицаниям типа *Пожар!*, названиям и т.д.). Такая дистрибуция ИМ падежа не может быть описана в терминах управления со стороны ядра X⁰ или какого-либо иного единого структурного отношения, которое устанавливается между NP и ядром X⁰ в составе группы X^m ³⁴.

При описании дистрибуции ИМ падежа не менее важно выяснить, где он не может встречаться, чем указать, где может: традиционно в описаниях русского языка отмечается, что ИМ – единственный падеж, который никогда не встречается у именных компонентов предлога. На самом деле, в русском языке ИМ падеж не может быть приписан компоненту какой бы то ни было лексико-грамматической категории. Отсюда видно, что дистрибуция ИМ падежа может быть описана следующим образом:

(23) ИМ падеж в русском языке может быть приписан NP, над которой не доминирует максимальная проекция лексического ядра²³.

Положение (23) отражает тот факт, что ИМ падеж не связан с каким-то единственным синтаксическим отношением (например, отношением "быть субъектом"). Следует помнить, что правила типа (23) не претендуют на статус универсалий, т.е., хотя (23) может служить описанием дистрибуции ИМ падежа в номинативно-аккузативных языках типа современного русского, оно не объясняет приписывания ИМ падежа объектам, когда происходит приписывание ИМ падежа NP, выступающей в качестве компонента лексической категории V⁰ (ИМ падеж прямого объекта встречается в древнерусском, исландском, финском и литовском). Следующий раздел будет посвящен нестандартным стратегиям выбора ИМ падежа и вытекающим из этого вывода для общей теории Конфигурационного падежа.

9.0. ОФОРМЛЕНИЕ ПРЯМЫХ ОБЪЕКТОВ ИМЕНИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ В ИСЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ

Исландский – язык, в котором глаголы могут требовать при себе субъектную NP в форме косвенного Лексического падежа: в этом отношении он контрастирует с русским языком, в котором Лексический падеж возможен только для объектов. Когда субъектной NP переходного глагола в личных предложениях исландского языка приписывается Лексический падеж, его прямому объекту всегда приписывается ИМ, а не стандартный ВИН падеж; последний может быть приписан прямому объекту только в том случае, если субъект стоит в ИМ падеже. Это чередование ИМ/ВИН падежей прямого объекта и его зависимость от падежа субъекта особенно ярко проявляются у исландских глаголов с двумя объектами, модель падежного оформления которых в активных и пассивных предложениях схематически представлена в (24а) и (24б) соответственно (NP слева от глагола (V) – субъект); (25) – конкретный пример из [3, с. 226]. Следует отметить, что, хотя NP прямого объекта остается в составе глагольной группы в пассивных предложениях типа (24б) (субъектом в этих предложениях становится та объектная NP, которой приписывается ДАТ падеж), ее исходный падеж в активном предложении – ВИН – тем не менее заменяется на ИМ падеж в соответствующем пассивном предложении.

(24) а. АКТИВ:NP₁:ИМ – [[V] – NP₂:ДАТ – NP₃:ВИН]_{VP}.

³⁴ Я считаю, что ИМ падеж приписывается именным частям сказуемого не на основе их локального поверхностно-синтаксического контекста, а скорее по причине их согласования с субъектной NP. Таким образом, согласование в падеже одного именного элемента с другим (N^m с N^m) в русском языке приоритетно по сравнению с присвоением падежа на базе локальной конфигурации Падежное согласование, выходящее за пределы NP, нужно также для объяснения ИМ падежа у предикатных адьюнктов²⁴ в предложениях типа *Он лежал мертвый*, где прилагательное *мертвый* (ИМ, ЕД, МУЖСК) согласуется с субъектом *он* в падеже, а также роде и числе

- б. ПАССИВ:NP₂:ДАТ – [[связка + причастие] – NP₃:ИМ (af NP₁)]_{VP}, где af – предлог, оформляющий позицию агенса в пассивном предложении.
- (25) а. *Jon [gaf barninu bókina]*_{VP}
 "Йон дал ребенку книгу".
- б. *Barninu [var gefin bókina (af Jóni)]*_{VP}
 "Ребенку была дана (Йоном) книга".

Независимо от того, как мы анализируем отношение между (25а) и (25б), важно помнить, что в (25б) в составе VP есть NP, которой приписан ИМ падеж несмотря на то, что над ней доминирует максимальная проекция лексической категории [ср. правило приписывания ИМ падежа, предлагаемое в (23) для русского языка].

Чередование падежей, иллюстрируемое примером (25), с очевидностью предполагает альтернативное приписывание двух разных Конфигурационных падежей одной и той же синтаксической позиции. Поскольку каноническая локальная конфигурация для приписывания ВИН падежа $[X^0NP]_{X^{n+1}}$ при пассивизации сохраняется, наша задача состоит в том, чтобы обнаружить, что же изменилось в (24б), т.е. мы должны установить тот факт, который требует в данной конфигурации предпочесть ИМ падеж вопреки наличию локальной конфигурации, нужной для приписывания ВИН падежа, в исландских пассивных предложениях типа (25б)³⁵.

Наше объяснение данного чередования ИМ/ВИН базируется на следующем кардинальном наблюдении: ИМ в исландском языке может быть приписан NP прямого объекта вместо ВИН падежа только в тех предложениях, в которых ИМ падеж не приписан субъектной NP (см. [3]). Это можно выразить в более общей форме:

- (26) NP прямого объекта в исландском языке приписывается ИМ падеж вместо ВИН только в тех предложениях, в которых субъектная NP оказывается недоступной для маркирования Конфигурационным падежом.

Таким образом, приписывание ИМ падежа прямому объекту не является строго "локальным" феноменом, поскольку оно зависит от падежной маркировки другой NP, а именно – субъектной. (Субъектная NP недоступна для приписывания ИМ падежа, если: 1) ей был приписан Лексический падеж; 2) в предложении нет субъектной NP.)

Йип и др. ([3, с. 217]) объясняют существование прямых объектов в ИМ падеже в исландском языке в терминах следующей "линейной" теории падежа: Конфигурационный падеж образует особый уровень (tier), автономный по отношению к структуре составляющих. ИМ и ВИН падежи – Конфигурационные падежи ранга предложения (т.е. падежи, контекстом для которых является элементарное предложение в целом. – *Примеч. пер.*) – приписываются именным группам, входящим в область предложения^{17*}, в зависимости от порядка их следования слева направо и от их доступности. Так, в стандартных переходных конструкциях ИМ приписывается субъекту, который является самой левой NP, ВИН приписывается следующей по порядку доступной NP – NP прямого объекта³⁶. Но в предложениях, в которых субъектной NP падеж

³⁵Присвоение ИМ падежа прямому объекту в исландском языке никак не связано с присутствием пассивного причастия или с пресловутой абсорбцией ВИН падежа морфологическим показателем пассива. Вспомним, что в украинском языке и в ряде русских диалектов пассивное причастие свободно сочетается с прямым объектом в ВИН падеже в безличных предложениях; см. разд. 6.1 [25, 29]. Следует заметить также, что прямой объект в ИМ падеже встречается и в активных исландских предложениях, в которых NP – подлежащее, подчиняясь сочетаемостным требованиям глагола, выступает в одном из Лексических падежей.

³⁶Йип и др. [3] указывают, что если привязка двух Синтаксических падежей происходит слева направо, то в результате возникает классическая номинативно-аккузативная падежная система, но если привязка осуществляется справа налево, появляется классическая эргативно-абсолютивная система. Отсюда следует, что две главных стратегии присвоения падежа, обнаруживаемые в языках мира, могут быть результатом выбора одного из двух возможных направлений, по которым идет присвоение Синтаксического падежа. Сравните данный подход с попыткой в [1] уловить эти падежные отношения в рамках теории, в которой присвоение Синтаксического падежа нелинейно, т.е. зависит от конфигураций структуры составляющих предложения. Оба подхода проникнуты убеждением, что различные падежные системы должны об-
сбт

приписывается на лексическом основании, самой левой доступной NP оказывается NP прямого объекта, и следовательно, именно прямой объект маркируется ИМ падежом (а ВИН падеж остается неприсвоенным). Таким образом, Лексический падеж субъекта, который приписан ему в лексиконе и, тем самым, "предрешен", является непроницаемым для стратегий приписывания Конфигурационного падежа и вследствие этого "пропускается" при вычислении самой левой доступной NP в поверхностной структуре.

Существо закономерности, сформулированной в (26), легко улавливается в той теории падежа, которая предлагается в нашей работе: единственное, что нужно сделать – это предположить, что в языках типа исландского конфигурационная стратегия приписывания ИМ падежа, стратегия, опирающаяся на структуру синтаксического контекста, отличается от той, что используется в языках типа современного русского, где прямому объекту никогда не приписывается ИМ падеж [ср. (23)]. Эта альтернативная стратегия может быть сформулирована так, как в (27) (ср. [10, с. 466]).

(27) ИМ падеж приписывается в области предложения *n* а и в ы с ш е й из имеющихся NP.

"Наивысшая" NP – это просто NP, над которой непосредственно доминирует узел $S(IP)^{25*}$ (в частности, субъектная NP выше объектной NP во всех версиях X' -теории). NP "доступна" на уровне S-структуры для конфигурационной падежной маркировки при условии, что ей не был до сих пор приписан Лексический падеж. Таким образом, в предложениях, в которых субъекту не приписан Лексический падеж, субъект является наивысшей доступной NP и ему приписывается ИМ падеж; прямому дополнению приписывается ВИН. Но когда субъектной NP присвоен Лексический падеж, то наивысшей доступной NP оказывается NP прямого объекта и ей соответственно приписывается ИМ падеж в том же самом локальном контексте, в котором приписывается ВИН падеж, когда субъект помечен ИМ падежом.

Отметим, что правило (27) предсказывает теоретическую возможность существования языков, в которых чисто именным обстоятельствам будет приписываться ИМ (а не ВИН) падеж, если как субъект, так и прямой объект "недоступны". Недавно Мэйлинг в еще не опубликованной работе (*Maling J. Objects, adverbs and grammatical case in Finnish // Proc. of the 12 Scandinavian conference on linguistics*) показал, что именно так обстоит дело в финском: выбор ИМ или ВИН падежа для чисто именных обстоятельств зависит от того, может ли ИМ падеж быть приписан какой-либо другой NP в предложении. [Заметим, что если ДАТ есть косвенный Конфигурационный падеж, присваиваемый NP – сестре V' ^{26*}, как мы предположили выше, то с учетом (28) (см. ниже) мы должны были бы ожидать, что в языках, использующих стратегию приписывания ИМ падежа, сформулированную в (27), ИМ падеж будет приписываться NP в синтаксическом контексте $[V'NP]_V$ в случае, если прочие NP недоступны; мне не известен ни один такой язык.]

Предложенный выше анализ дополнений в ИМ падеже влечет за собой конфликт между двумя стратегиями приписывания Конфигурационного падежа: локальным приписыванием ВИН падежа прямому объекту в конфигурации $[X^n N^m]_{X^{n+1}}$ [см. (14)] и нелокальным приписыванием в той же конфигурации ИМ падежа [см. (27)]. Такой анализ дополнений в ИМ падеже был бы закономерен, если бы удалось показать, что разрешение конфликта в пользу ИМ падежа вытекает из какого-либо независимого принципа грамматики. И такой принцип был недавно предложен: совершенно независимо от тех данных и проблем теории падежа, которые мы здесь рассматриваем, Дж. Бауэрс в неопубликованной работе [*Bowers J. The syntax and semantics of predication. Cornell, 1990 (Mans.). P. 34*] предложил Принцип Именительного Падежа (ПИП), который применительно к нашим целям можно сформулировать так, как в (28) (ср. Принцип ИМ падежа у Таралдсена [40, с. 153]):

(28) Приписывание ИМ падежа в предложении, охарактеризованном по времени (tensed sentence), обязательно (тогда как ВИН падеж приписывается факультативно).

Согласно принципу (28), приписывание ИМ падежа прямому объекту предпочтительно по сравнению с ВИН в тех предложениях, в которых субъектная NP недоступна для маркировки ИМ падежом (и, конечно, нет никаких других "доступных" NP, расположенных выше, чем NP прямого объекта) (Если ПИП будет опровергнут, тогда надо проверить следующий принцип: нелокальные конфигурационные стратегии выбора падежа приоритетны по отношению к локальным.)

Обобщим наши предложения: имеются по сути две конфигурационные стратегии приписывания ИМ падежа в языках номинативно-аккузативного типа: относительно локальная стратегия (23), исключающая приписывание ИМ падежа любым компонентным позициям (включая прямой объект переходных глаголов) и нелокальная стратегия (27), допускающая приписывание ИМ падежа NP прямого объекта при переходных глаголах (и чисто именным обстоятельствам).

Можно было бы подумать, что стратегия ИМ падежа (27) на самом деле является избыточной, поскольку Принцип Именительного Падежа сам по себе был бы уже достаточным для объяснения объектов в ИМ падеже в исландских личных предложениях в том случае, когда субъект недоступен для приписывания ИМ падежа: если ИМ падеж обязательно должен быть приписан, как предлагает считать Бауэрс, тогда единственным возможным местом для его приписывания является NP прямого объекта. Но есть языки типа древнерусского, в котором приписывание ИМ падежа прямому объекту происходит только в не ф и н и т н ы х предложениях, – факт, который, как мы увидим ниже, совершенно естественно объясняется в терминах стратегии ИМ падежа (27), не принимающей во внимание финитность, но не в терминах ПИП (28), действующего только в финитных предложениях³⁷.

Заметим, что ПИП Бауэрса имеет ряд далеко идущих следствий, которые необходимо тщательно изучить. Например, если он верен, то верно должно быть и то, что русские финитные безличные предложения типа следующего, у которых никогда не бывает никакого поверхностного субъекта, но имеется прямой объект в ВИН падеже, должны иметь субъектную NP с ядром в виде нулевого (скрытого) эксплетивного субъекта, помеченного ИМ падежом: *Меня тошнило от рыбы* См. [29], где подобный анализ с нулевым субъектом предложен для украинских безличных предложений, и [25], где свойства безличных предложений исследуются в рамках теории, допускающей бессубъектные финитные предложения. В связи с безличными предложениями должно также быть изучено отношение ПИП Бауэрса к Расширенному Принципу Проекции [5]^{27*}.

Заметим также, что финитные предложения, в которых субъектом считается NP, которой присвоен абстрактный РОД партитивный и РОД отрицания, могут служить контрпримерами к ПИП: чтобы сохранить данный принцип, потребовалось бы доказать, что эти генитивные NP скорее объекты, нежели субъекты, что совершенно независимо от ПИП предположила К. Чвани (в личном общении). Тот факт, что РОД партитивный и РОД отрицания, по-видимому, приписываются объектным NP переходных глаголов и субъектным NP непереходных глаголов, но не приписываются субъекту переходных глаголов (см. [2]), говорит в пользу этого "неаккузативного" анализа: когда объектной NP в "неаккузативном" предложении присваивается абстрактный РОД падеж, она не может передвигнуться в пустую позицию субъекта, которая должна поэтому быть заполнена нулевым эксплетивом в ИМ падеже. Неспособность прямого объекта в РОД падеже в этих предложениях к передвижению можно объяснить со ссылкой на уже знакомое нам обстоятельство: позиция субъекта в русском языке для косвенных субъектов "закрыта"

Важно помнить, что, как у Йипа и др. [3], так и в предлагаемом нами анализе, появление объектов в ИМ падеже в исландских ф и н и т н ы х предложениях напрямую связывается с недоступностью субъектной NP для приписывания ей ИМ падежа.

³⁷Во всех языках, которые мы здесь рассматриваем, нефинитные предложения не охарактеризованы по категории времени

В следующем разделе мы исследуем чередования ИМ/ВИН падежей прямого объекта в нефинитных предложениях древнерусского языка. Моя задача – показать, что хотя на поверхности данные исландского и древнерусского языков совершенно различны, постановка прямого объекта инфинитива в ИМ падеже вместо ВИН непосредственно зависит от того, какой падеж приписывается нулевому субъекту инфинитива (PRO)^{28*}, и тем самым показать, что появление объектов в ИМ падеже имеет в обоих языках одно и то же объяснение, как, предположительно, и в других языках с ИМ падежом объекта (см. обсуждение ИМ объекта в других языках в [41, 40]).

10.0. ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПРЯМОГО ОБЪЕКТА В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

В древнерусском и некоторых современных диалектах русского языка наблюдается систематическое чередование ИМ и ВИН падежей прямого объекта в инфинитивных (но не в финитных) предложениях³⁸, что иллюстрируют следующие примеры:

(29) а. *Земля пахать*

Необходимо пахать землю".

б. *Королю было [та рухлядь] дати*

"Королю было необходимо отдать это имущество".

в. *По которой реке плыть, та и вода пить*

"Приходится пить воду из той реки, по которой плывешь" (см. [42, с. 403]).

Прямые объекты переходных инфинитивов в (30) стоят в ИМ падеже в предложениях, где отсутствует поверхностная субъектная NP.

Одно из наиболее заметных синтаксических свойств инфинитива состоит в том, что в норме он исключает поверхностный субъект. Если мы установим, что субъект является недоступным для приписывания ему ИМ падежа, либо когда ему приписан Лексический падеж, либо когда он просто отсутствует, то, учитывая установленное нами в разд. 9, следует ожидать появления прямых объектов в ИМ падеже в инфинитивных предложениях. Но мы не можем просто предположить, что инфинитивы суть бессубъектные формы глагола, служащие ядром бессубъектных предложений, в силу того, что из подобного анализа вытекает абсолютно неверное предсказание: все инфинитивы в языках типа древнерусского должны иметь прямые объекты в ИМ падеже. На самом деле, в подавляющем большинстве переходных инфинитивных предложений древнерусского языка прямые объекты стоят в ВИН падеже³⁹. Стандартная для GB трактовка PRO как беспадежного субъекта инфинитивных предложений^{28*} ведет к тому же неправильному предсказанию: если PRO-субъект есть нулевая лексическая категория, которой падеж не может быть приписан (см. [5]), то субъект инфинитивного предложения оказывается по природе своей недоступным для приписывания ему ИМ падежа, и, следовательно, в с е инфинитивные предложения в языках, использующих стратегии ИМ падежа типа (27), должны иметь прямые объекты в ИМ падеже. Из этого краткого рассмотрения мы можем заключить, что если мы хотим показать, что употребление ИМ (vs. ВИН) падежа объектов в древнерусских инфинитивных и исландских личных предложениях имеет единую основу, как мы предположили выше, то мы должны: 1) считать, что инфинитивные предложения

³⁸Данные, фигурирующие в этом разделе, взяты в основном из [15] и [41]. Важно помнить, что еще одна нефинитная форма глагола (деепричастие) может иметь объект в ИМ падеже. Это значит, что мы сразу же можем исключить объяснения древнерусских объектов в ИМ падеже самой по себе формой инфинитива. Мы сосредоточились на инфинитивных предложениях с прямым объектом в ИМ падеже, потому что они чаще других встречаются в древнерусских текстах. Естественное направление дальнейших исследований – сравнить свойства объектов в ИМ падеже в инфинитивных предложениях исландского и древнерусского языков.

³⁹Отметим также, что инфинитивные предложения в древнерусском и современном русском могут иметь поверхностную субъектную NP (см. ниже).

имеют нулевые субъекты PRO, и 2) показать, что чередование ИМ/ВИН падежей прямого объекта в инфинитивных предложениях коррелирует с доступностью/недоступностью PRO-субъекта для маркировки ИМ падежом⁴⁰

Наше исследование выбора Конфигурационного падежа для прямых объектов в древнерусском языке будет сконцентрировано на следующих вопросах:

- (30) а. Почему существует систематическое чередование ИМ/ВИН у прямых объектов древнерусских инфинитивов?
б. Почему современный русский литературный язык исключает постановку прямых объектов в ИМ падеже? Чем он отличается от древнерусского?
в. Почему ИМ падеж прямого объекта не встречается в финитных предложениях древнерусского языка?

Начнем с (30в), потому что ответ на него проще. В отличие от исландского в русском языке субъекты никогда не маркируются Лексическим падежом, и если мы допустим, что безличные и прочие односоставные неинфинитивные предложения имеют нулевой эксплицитный субъект, которому приписывается ИМ падеж [см. примеч. 37 и ПИП Бауэрс в (28)], тогда получится, что в русском языке нет финитных предложений, в которых субъект был бы недоступен для маркировки ИМ падежом [разумеется, здесь имеет значение только абстрактный ИМ падеж, а не морфологический ИМ падеж, см., например, предложения типа (5)]. Иначе говоря, если все финитные предложения в русском языке имеют субъекты в ИМ падеже, то из анализа, предложенного в разд. 9, следует, что эти предложения не могут иметь объектов в ИМ падеже: выше мы установили, что объекты в ИМ падеже появляются только в предложениях, в которых субъектной NP не приписан ИМ падеж.

10.1. В этом разделе мы рассмотрим центральный вопрос – (30а). Предложенное Тимберлейком [15, 41] объяснение чередования ИМ/ВИН падежей прямого объекта в древнерусском языке, основанное на различении зависимых и независимых инфинитивных предложений, по сути своей верно. Инфинитив называется зависимым, если он является компонентом личного глагола, т.е. когда матричный глагол^{29*} обладает грамматическим (ИМ) субъектом. Инфинитив в любом другом синтаксическом контексте определяется как независимый (например, инфинитив, выступающий в качестве субъекта матричного предложения^{30*}, является независимым); примеры независимых инфинитивов см. в (29). Главный вывод Тимберлейка можно сформулировать так: зависимые инфинитивы имеют прямые объекты в ВИН падеже независимые инфинитивы имеют прямые объекты в ИМ падеже. Иными словами:

- (31) а. Прямому объекту инфинитивного предложения приписывается ВИН падеж, если инфинитив "зависим", т.е. подчинен матричному глаголу, имеющему субъект в ИМ падеже.
б. Прямому объекту инфинитивного предложения приписывается ИМ падеж, если инфинитив "независим", т.е. не подчинен матричному глаголу с субъектом в ИМ падеже.

Тимберлейк был на правильном пути, когда он связал выбор ИМ или ВИН падежа для прямого объекта инфинитива с матричным субъектом. Но чтобы доказать, что объекты в ИМ падеже в исландском и древнерусском языках – единый феномен, мы должны непосредственно связать падежную маркировку прямого объекта древнерусского инфинитива с падежом, приписываемым субъекту инфинитива.

В терминах современной версии GB наблюдение Тимберлейка можно выразить так: если считать, что инфинитивные предложения имеют PRO-субъекты и в структурном отношении устроены как любые другие предложения (т.е. имеют структуру составляющих вида $[[PRO]_{NP}[V^0NP]_{VP}]_S$, где V – инфинитив), то можно

⁴⁰В ряде новейших публикаций высказывается предположение, что PRO-субъекты должны получать падежную маркировку, см. [3; 23, 6, с. 104]. Русский язык дает много свидетельств в пользу того, что PRO субъекту следует присваивать падеж

доказать, что чередование ИМ/ВИН падежей прямого объекта инфинитива вытекает из положений Теории Контроля⁴¹. Говоря конкретнее [ср. (31а, б)]:

- (32) а. Если PRO-субъект инфинитивного предложения контролируется субъектом матричного глагола, стоящим в ИМ падеже, то NP – прямому объекту инфинитива – приписывается ВИН падеж.
- б. Если PRO не контролируется матричным субъектом, то NP – прямому объекту инфинитива – приписывается ИМ падеж [см. примеры в (29)].

Наблюдения (32) – это лишь часть объяснения: пока мы установили, что падеж, приписываемый прямому объекту инфинитива, зависит от того, контролируется ли PRO-субъект матричным субъектом. Теперь осталось объяснить, как именно контроль над PRO-субъектом инфинитива (или отсутствие контроля) может повлиять на выбор падежа прямого объекта. Если допустить, что PRO-субъектам можно приписывать падеж, как уже предлагалось в литературе (см. примеч. 40), то мы можем объяснить чередование ИМ/ВИН падежей объекта инфинитива в древнерусском языке знакомым способом:

- (33) а. Контролируемому PRO-субъекту приписывается ИМ падеж. Когда PRO-субъекту приписан ИМ, тогда NP прямого объекта (с учетом ее локального контекста) приписывается ВИН падеж, точно так же, как в финитных предложениях⁴².
- б. Неконтролируемому PRO-субъекту ИМ падеж не приписывается. Ему либо не приписывается вообще никакой падеж (что не ведет к нарушению требований Падежного Филтра^{12*}, поскольку PRO не получает фонологической реализации), либо, что более вероятно, ему приписывается ДАТ падеж (см. разд. 10.2). В обоих случаях неконтролируемый PRO-субъект оказывается недоступным для приписывания ИМ падежа, и, следовательно, ИМ падеж приписывается прямому объекту, поскольку теперь – это первая (наивысшая) NP, доступная для конфигурационного приписывания ИМ падежа согласно стратегии (27).

Выше мы утверждали, что постановка прямого объекта в ИМ падеже в финитных предложениях исландского и инфинитивных предложениях древнерусского языка есть по существу единое явление. Если ИМ падеж нельзя приписать субъектной NP по какой бы то ни было причине, он приписывается NP прямого объекта согласно стратегий конфигурационного приписывания падежа (27). Однако имеется важное различие между синтаксическими контекстами, в которых применяется (27) в двух рассматриваемых языках. В исландском (27) действует в финитных (охарактеризованных по времени) предложениях. Это значит, что Принцип Именительного Падежа Бауэрсса действует здесь о б я з а т е л ь н о: если бы вместо ИМ падежа прямому объекту был приписан ВИН, то получилось бы финитное предложение без ИМ падежа. (ПИП позволяет сделать интересное предсказание: все языки, допускающие

⁴¹Теория Контроля имеет дело с отношением между PRO-субъектом инфинитивного предложения и его антецедентом (контролером) в матричном предложении. Обычно антецедент PRO определяется матричным глаголом, а это значит, что "грамматический" контроль есть лексическое свойство глагола. Здесь нас должно интересовать только то, контролируется ли PRO субъектом матричного предложения, поскольку, как убедительно доказала Нейдл [23, гл. 5], в русском языке отсутствует грамматический контроль со стороны объекта. Она показала [23, с. 15], что предложения, в которых объект контролирует инфинитивный компонент, суть случаи "анакорического" контроля, который не является лексическим свойством матричного глагола и по своим свойствам сильно отличается от грамматического контроля (см. примеч. 42).

⁴²Причина, по которой PRO-субъекту присваивается ИМ падеж, когда он контролируется матричным субъектом в ИМ падеже, совершенно проста, если принять предложенную Нейдл формулировку грамматического контроля: "Грамматический контроль предполагает тождество всех признаков (и, в особенности, падежа)" [23, с. 133]. Иными словами, в случаях грамматического контроля PRO согласуется в падеже, числе и роде с контролером (матричным субъектом в ИМ падеже). Следует отметить, что в своей книге Нейдл не касается проблемы объектов в ИМ падеже, тот факт, что ее формулировка контроля играет ключевую роль в объяснении падежных феноменов в древнерусском языке, следует интерпретировать как независимое свидетельство правильности ее трактовки контроля в русском языке

субъекты в косвенном падеже, должны иметь прямые объекты в ИМ падеже в финитных предложениях.) Но Принцип Именительного Падежа не распространяется на нефинитные (не охарактеризованные по времени) предложения; на этой основе можно сделать следующее предсказание: нефинитные предложения, в которых PRO-субъект недоступен для приписывания ИМ падежа, должны в принципе быть свободны в отношении выбора либо ИМ падежа прямого объекта [когда используется стратегия (27)], либо ВИН падежа прямого объекта [когда используется локальная стратегия приписывания ИМ падежа – (23)]. По-видимому, в истории русского языка произошло следующее [см. вопрос (30б)]: на смену стратегии приписывания ИМ падежа (27), дававшей прямые объекты в ИМ падеже в неконтролируемых нефинитных предложениях древнерусского языка, пришла строго локальная стратегия ИМ падежа – (23), которая используется в финитных предложениях. Это объясняет тот факт, что в современном русском объекты инфинитива всегда стоят в ВИН, а не в ИМ падеже, точно так же, как в финитных предложениях.

Таким образом, синтаксическая структура инфинитивных предложений и принцип контроля в русском языке не менялись, изменилась лишь конфигурационная стратегия приписывания ИМ падежа. Иными словами, в инфинитивных предложениях современного русского языка процессы конфигурационного приписывания падежа PRO-субъекту и прямому объекту независимы друг от друга (строго локальны) и, следовательно, прямому объекту приписывается ВИН падеж, каков бы ни был падеж PRO-субъекта. Данное изменение поставило русский язык в один ряд с большинством других языков, в которых конфигурационные стратегии приписывания падежа одинаковы как в финитных, так и в нефинитных предложениях.

10.2. Выше мы предположили, что в инфинитивных предложениях древнерусского языка приписывание ИМ/ВИН падежа прямому объекту синтаксически коррелирует с наличием/отсутствием контроля PRO-субъекта инфинитива со стороны грамматического субъекта матричного глагола. Таким образом, правильность данного нами единственного объяснения употреблению объектов в ИМ падеже в исландском и древнерусском языках непосредственно зависит от верности гипотезы, согласно которой ИМ падеж приписывается PRO-субъекту инфинитивного предложения только тогда, когда он контролируется матричным субъектом. Ниже я представлю независимые данные современного русского, свидетельствующие в пользу этой краевой гипотезы. Речь идет об альтернативном приписывании ИМ/ДАТ падежа предикатному адъюнкту *сам-* (в значении "без посторонней помощи")^{24*} в инфинитивных предложениях. Этот раздел подтвердит также высказанное выше в (33б) суждение, что падежом, приписываемым PRO-субъекту при невозможности приписать ему ИМ, в русском языке является ДАТ падеж.

У элемента *сам-* имеются следующие важные морфосинтаксические свойства: *сам-* согласуется в роде, числе и падеже со своим антецедентом – существительным, входящим в то же самое элементарное предложение, но при этом *сам-* не входит в качестве составляющей в максимальную проекцию антецедента^{31*} (ниже нас будут интересовать только антецеденты-субъекты). Следует подчеркнуть, что падеж приписывается элементу *сам-* не непосредственно в терминах его синтаксического контекста; он согласуется в падеже со своим антецедентом подобно тому, как именные части сказуемого согласуются в падеже со своими подлежащими (см. разд. 8.0). Это свойство элемента *сам-* является решающим, так как оно позволяет нам определить падеж субъектной NP в предложениях с нулевыми субъектами PRO или *pro*^{32*}, т.е. субъектами, не получающими фонологической реализации. В нижеследующих примерах *сам-* помечается тем же индексом, что и поверхностный субъект, служащий его антецедентом в (34 а, б): в (34в) его антецедентом выступает нулевой *pro*-субъект жен. рода ед. числа:

(34) а. Ребенок₁ уже одевается сам₁.

б. Дверь₁ открылась сама₁.

в. (*Кто разбил тарелку?*) Сама разбилась.

(Заметим, что смысл "она (тарелка) разбилась сама" выражается *Сама разбилась*.)

Гл. 5 в книге Нейдл [23] посвящена систематическому чередованию ИМ и ДАТ падежей предикатных адъюнктов в инфинитивных придаточных современного русского языка (см. также [43]); инфинитивные предложения в приводимых ниже примерах заключены в квадратные скобки:

(35) а. *Людя приехала* [покупать масло сама/*самой].

б. *Людя приехала, чтобы* [покупать масло самой/*сама].

(36) а. *Сестра просила его*₁ [самоу,/*сам передать письмо Ивану].

б. *Павлик*₁ почувствовал [сильное желание [самоу₁ написать что-нибудь]_{VP}]_{NP} (пример из [44, с 336]).

Объяснение чередования ИМ/ДАТ падежей, предложенное Нейдл, легко выразить в терминах GB: PRO-субъекту инфинитивных предложений в русском языке канонически приписывается ДАТ падеж. Многие данные древнерусского и современного русского свидетельствуют в пользу этого утверждения, включая такие сравнительно редкие предложения, как нижеследующие, в котором субъект инфинитива в ДАТ падеже реализуется лексически (инфинитивные предложения заключены в квадратные скобки; тебе – субъект первого инфинитивного предложения): *Тебе уйти на пенсию значило бы капитулировать перед врагом* (пример из И. Грековой). См. также [44], где даны примеры выраженных субъектов в ДАТ падеже в инфинитивных предложениях. Предложения типа следующих были еще возможны в первой трети XIX в.: ...*который присудил его*₁ [быть посажену₁ на кол] (пример из [44, с. 336])⁴³. В следующих древнерусских примерах инфинитивный комплемент *быть* имеет выраженный субъект в ДАТ падеже (*граду*) и предикативное причастие (*взяту*), согласующееся с ним в падеже, а также числа и роде, точно так же, как в финитных предложениях; инфинитивное предложение само по себе является объектным комплементом матричного глагола *мняху* [синтаксическая конструкция этого вида называется в традиционной грамматике *accusativus cum infinitivo* (см. [35, с. 71]): *Псковичи мняху* [граду *взяту* *быти*] "Псковичи думали, что город взят".

Поскольку предикатные адъюнкты типа *сам-* согласуются в падеже с субъектами своих предложений, ДАТ падеж элемента *сам-* в предложениях типа (36а) теперь можно объяснить обычным согласованием в падеже элемента *сам-* с его антецедентом – PRO-субъектом в ДАТ падеже, точно так же, как в финитных предложениях типа (34) (где, однако, согласование проводится с ИМ падежом).

Таким образом, полная структура инфинитивного предложения в (36а) есть (37), в которой *самоу* (ДАТ) объясняется в уже знакомых нам терминах.

(37) [PRO₁:ДАТ передать письмо Ивану самоу₁].

На этом шаге естественно поставить вопрос: почему *сам-* выступает в ДАТ падеже не во всех инфинитивных предложениях? Иными словами, остается объяснить употребление ИМ падежа в предложениях типа (35а). Самым лобовым решением было бы обоснование того, что инфинитивное предложение в (35а) имеет структуру (38).

(38) [PRO₁:ИМ покупать масло сама₁].

Именно так поступает Нейдл, объясняя появление ИМ падежа вместо ДАТ в (35а)

⁴³Мы считаем, что предикативные прилагательные и причастия согласуются в числе, роде и падеже с субъектом своего элементарного предложения, каковым здесь является PRO-субъект инфинитивного предложения, стоящий в ДАТ падеже (см. разд. 8). Таким образом, полная внутренняя структура данного инфинитивного предложения имеет вид.

[PRO₁:ДАТ быть посажену₁:ДАТ на кол].

В современном русском ДАТ падеж, присваиваемый причастию *посажену* в результате согласования с ДАТ падежом PRO, заменен предикативным ТВОР падежом; только предикатные адъюнкты²⁴ *сам, один и весь* все еще способны согласоваться с PRO

в терминах грамматического контроля: она показывает, что PRO-субъект инфинитивного придаточного должен согласовываться в падеже с матричным субъектом в случае субъектного контроля (см. разд. 10.1 и примеч. 42). Это значит, что:

(39) а. PRO получает ИМ падеж только тогда, когда контролируется матричным субъектом. [В предложениях типа (35а) возникает цепочка падежного согласования: PRO согласуется в падеже с матричным субъектом, стоящим в ИМ падеже, а *сам-* согласуется с PRO.]

б. PRO получает ДАТ падеж, когда не контролируется матричным субъектом. (Поскольку *сам-* всегда согласуется в падеже с PRO-субъектом своего простого предложения, этот элемент всегда стоит в ДАТ падеже во всех инфинитивных предложениях, в которых отсутствует контроль со стороны матричного предложения⁴⁴.)

Исходя из того факта, что ИМ падежу в случаях субъектного контроля отдается предпочтение перед стандартным приписыванием ДАТ падежа субъекту инфинитива, мы можем заключить, что ДАТ падеж не является Лексическим падежом в русских инфинитивных предложениях. Следовательно, он должен быть Конфигурационным падежом, присваиваемым в локальной конфигурации (возможно, присваиваемым субъекту предложения, не охарактеризованного по времени, подобно тому, как ИМ падеж присваивается субъекту предложений, охарактеризованных по времени), и падежное согласование N^m с N^m (PRO-субъекта с матричным субъектом, стоящим в ИМ падеже) в случаях субъектного контроля приоритетно по сравнению с локальным конфигурационным приписыванием ДАТ падежа⁴⁵.

Ср. (39) с (33). Поведение элемента *сам-* с особой убедительностью свидетельствует в пользу гипотезы, которая играет Центральную роль в объяснении ИМ падежа прямых объектов в древнерусских инфинитивных предложениях: PRO-субъекту, контролируемому матричным субъектом, присваивается ИМ падеж, тогда как PRO-субъекту, не контролируемому матричным субъектом, присваивается ДАТ падеж.

Таким образом, (39) объясняет оба чередования – ИМ/ВИН падежей прямого объекта в древнерусских инфинитивных предложениях и ИМ/ДАТ падежей предикатного адъюнкта *сам-* в инфинитивных предложениях – в одних и тех же терминах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой работе я попытался показать, что кажущиеся на первый взгляд никак не связанными явления разных языков в области падежа в действительности являются частными проявлениями небольшого количества универсальных закономерностей теории падежа. Термин "нестандартное приписывание падежа" удобен для неформального сравнения падежа в различных языках, но это насквозь субъективное понятие, синоним "экзотического", и, следовательно, непригодное для универсальной теории падежа. Например, присвоение ИМ падежа объектам в исландском и древнерусском, возможно, нестандартно с позиций английского и современного русского языков, но не с позиций литовского или финского. Видимо, термин "нестандартный" можно использовать для обозначения таких падежных феноменов, которые нарушают стандартные принципы теории падежа. Однако если принять такое употребление, ни одно из явлений приписывания падежа, рассмотренных в этой работе, не может быть сочтено нестандартным, потому что все они, как мы показали, возникают в результате нормального взаимодействия универсальной типологии падежа и принципов, выдвигаемых в первой части данной работы.

⁴⁴Нейди объясняет употребление ДАТ падежа в (35б) так: союз *чтобы* блокирует контроль PRO-субъекта со стороны матричного субъекта. В (36б) инфинитив является компонентом прямого дополнения *желание* и его PRO-субъект тем самым не контролируется грамматически матричным субъектом.

⁴⁵Здесь мы имеем прямую параллель с выбором падежа именной части сказуемого: согласование с подлежащим в ИМ падеже предпочитается локальному конфигурационному приписыванию ВИН падежа (см. разд. 8).

1. *Babby L.H.* Existential sentences and negation in Russian. Ann Arbor, 1980.
2. *Babby L.H.* The syntax of surface case marking // Cornell working papers in linguistics / Ed. by Harbert W. and Herschensohn J. Ithaca; New York, 1980.
3. *Yip M., Maling J., Jackendoff R.* Case in Tiers//Language. 1987. V. 63.
4. Roman Jakobson: Russian and slavic grammar (1931–1981)/ Ed. by Waugh L., Halle M. B., 1984.
5. *Chomsky N.* Lectures on government and binding. Dordrecht, 1981.
6. *Chomsky N.* Knowledge of language: its nature, origin, use. N.Y., 1986.
7. *Курилов И. Е.* Проблема классификации падежей // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
8. *Meřćuk I.* Toward a definition of case // Case in Slavic / Ed. by Brecht R., Levine J. Columbus, 1986.
9. *Haider H.* The case of German // Studies in German grammar / Ed. by Toman J. Dordrecht, 1985.
10. *Zaenen A., Maling J., Thransson H.* Case and grammatical functions: The icelandic passive // Natural language and linguistic theory. 1985. V. 3.
11. *Larson R.K.* Bare-NP adverbs // Linguistics inquiry. 1985. V. 16.
12. *Шведова Н.Ю., Лопатин В.В.* Краткая русская грамматика. М., 1989.
13. *Babby L.H.* The locus of case assignment and the direction of percolation // Case in Slavic / Ed. by Brecht R. and Levine J. Columbus, 1986.
14. *Мусейкин К.* Сопоставительная морфология русского и литовского языков. Вильнюс, 1972.
15. *Timberlake A.* The nominative object in North Russian // Slavic transformational syntax / Ed. by Brecht R., Chvany C. Ann Arbor, 1974.
16. *Sells P.* Lectures on contemporary syntactic theories. Stanford, 1985.
17. *Babby L.H.* Case, prequantifiers, and discontinuous agreement in Russian // Natural language and linguistic theory. V. 5. 1987.
18. *Babby L.H.* Case conflicts and their resolution // Cornell working papers in linguistics / Ed. by Harbert W. Ithaca; New York, 1984.
19. *Freidin R., Babby L.H.* On the interaction of lexical and syntactic properties: Case structure in Russian // Cornell working papers in linguistics. VI / Ed. by Harbert W. Ithaca; New York, 1984.
20. *Williams E.* On the notions "lexically related" and "head of a word" // Linguistic inquiry. 1981.
21. *Selkirk E.O.* The Syntax of words. Cambridge (Mass.), 1982.
22. *Marantz A.P.* On the nature of grammatical relations. Cambridge (Mass.), 1984.
23. *Neidle C.* The role of case in Russian syntax: Studies in natural language and linguistic theory. Dordrecht, 1988.
24. *Babby L.H.* Prepositional quantifiers and the direct case Condition // Issues in Russian morphosyntax/ Ed. by Flier M. and Brecht R. Columbus, 1985.
25. *Babby L.H.* Subjectlessness, external subcategorisation, and the Projection Principle // Zbornik matice srpske za filologiju i lingvistiku. 1990. T. 32.2.
26. *Comrie B.* The Ergative: variations on a theme // Lingua. 1973. V. 32. № 3.
27. *Кузьмина И.В., Немченко Е.В.* Синтаксис причастных форм и русских говорах. М., 1971.
28. *Арават Н.Н.* Семантическая структура простого предложения в современном русском языке. Киев, 1984.
29. *Sobin N.J.* Case assignment in Ukrainian morphological passive constructions // Linguistic inquiry. 1985. V. 16.
30. *Красильникова Е.В.* О соотношении языковых уровней в системе русской разговорной речи // Проблемы структурной лингвистики. 1980. М., 1982.
31. *Babby L.H.* A compositional analysis of voice in Turkish: passive, derived intransitive, impersonal, and causative // Cornell working papers in Linguistics / Ed. by Harbert W., Herschensohn J. Ithaca; New York, 1981.
32. *Chomsky N.* Remarks on nominalization // Readings in English transformational grammar / Ed. by Jacobs R., Rosenbaum P. Waltham, 1970.
33. Грамматика русского языка. Т. II. Ч. 1. М., 1960.
34. *Былинский К.И., Розенталь Д.Е.* Литературное редактирование. М., 1961.
35. *Геоциева В.Л.* История синтаксических явлений русского языка. М., 1968.
36. *Рахманов Л.И.* Трудности русского языка. М., 1974.
37. *Демиценко Л.П.* Речевые ошибки. Минск, 1986.
38. *Мамонов В.А., Розенталь Д. Е.* Практическая стилистика современного русского языка. М., 1957.
39. *Падучева Е.В.* Притяжательное местоимение и проблема залого отглагольного имени // Проблемы структурной лингвистики. 1982. М., 1984.
40. *Taraldsen T.* On the distribution of nominative objects in Finnish // Features and projections / Ed. by Muysken P. and van Riemsdijk H. Dordrecht, 1985.
41. *Timberlake A.* The nominative object in Slavic, Baltic, and West Finnic // Slavistische Beitrage. Bd. 82. München, 1974.
42. *Борковский В.И.* Историческая грамматика русского языка. Синтаксис: простое предложение. М., 1978.
43. *Comrie B.* The Second dative: A transformational approach // Slavic transformational syntax / Ed. by Brecht R., Chvany C. Ann Arbor, 1974.
44. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. Л., 1941.

1*. GB – общепринятое сокращение для Government and Binding Theory ("Теория управления и связывания") – нового варианта теории трансформационных порождающих грамматик (ТТПГ). Основные положения GB изложены Н. Хомским в его книге [5], название которой дало теории ее имя. Приемственность GB по отношению к предшествующим вариантам ТТПГ проявляется в том, что: 1) определяемая ею грамматика языка является порождающей, т.е. исчисляющей все правильные предложения данного языка и только их; 2) грамматика предстает как система подсистем, центральная роль среди которых принадлежит синтаксису – единственной порождающей подсистеме, по отношению к которой фонология, морфология и семантика выступают как интерпретирующие подсистемы; 3) синтаксический компонент модели работает с двумя уровнями представления предложения – глубинным и поверхностным. Отличительные черты GB: 1) универсализм – из модели для описания грамматик конкретных языков теория превращается в универсальную грамматику, т.е. систему принципов, действующих в структуре любого языка; 2) модулярность – вместо систем правил, действующих последовательно, грамматика предстает как набор модулей (частных теорий), каждый из которых отвечает за свой аспект структуры предложения и, взаимодействуя с другими модулями, участвует в оценке правильности синтаксических структур. В их число входят: 1) X'-теория (см. 2*); 2) θ -теория (см. 18*), 3) теория пограничных узлов (определяющая границы передвижения синтаксических единиц); 4) теория падежа (обсуждается в данной статье); 5) теория связывания (определяющая, какие именные группы в предложении (не) могут быть кореферентны); 6) теория контроля (см. примеч. 41). Помимо частных теорий GB включает в себя отдельно стоящие принципы типа Принципа Проекции (см. с. 48).

2* В GB принято два уровня синтаксического представления: D-структура и S-структура (наследники соответственно глубинной и поверхностной структур ТТПГ). D-структура – уровень представления предложения, на котором соблюдается соответствие между семантическими (тематическими, по терминологии GB) ролями (Агенса, Пациенса и т.п.) и синтаксическими отношениями (субъект, объект и т.п.). Так, D структура предложения *John was arrested* "Джон был арестован" имеет следующий вид:

[_S e [_{VP} was arrested [_{NP} John]_{NP}]_{VP}]_S.

NP *John* занимает синтаксическую позицию прямого объекта, что соответствует роли Джона как Пациенса в ситуации, обозначаемой глаголом *arrest*, а позиция субъекта, которая признается существующей во всяком предложении, пуста, что маркируется нулевым синтаксическим элементом *e* (от empty category "пустая категория"). S-структура – уровень представления предложения, отражающий его поверхность, наблюдаемую форму, где соответствие между семантическими ролями и синтаксическими отношениями может нарушаться в результате передвижения синтаксических элементов на исконно не свойственные им позиции. Так, S-структура предложения *John was arrested* имеет вид:

[_S [_{NP} John]_{NP} [_{VP} was arrested [_{NP} t]_{NP}]_{VP}]_S,

где NP *John* передвинулась в пустую позицию субъекта, оставив после себя пустую позицию объекта, маркируемую нулевым элементом *t* (от trace "след"). Необходимость сохранения "следов" в покидаемых синтаксических позициях обусловлена принципом соответствия структуры предложения на всех уровнях синтаксического представления синтаксическим и семантическим сочетаемым требованиям его ядерных элементов; так, если ядро VP – глагол *arrest* – требует при себе прямого объекта, эта синтаксическая позиция должна присутствовать на всех уровнях представления предложения с данным глаголом, даже если фактически она пуста.

3*. X'-структура – синтаксическая структура, приписываемая предложению в терминах X'-теории.

X'-теория – модуль GB, соответствующий базовому компоненту стандартной теории трансформационных порождающих грамматик: он исчисляет (порождает) синтаксические структуры. Вместо множества правил подстановки типа $S \rightarrow NP + Aux + VP$; $VP \rightarrow V + NP$ и т.д. в X'-теории для характеристики синтаксических структур в терминах непосредственных составляющих используется небольшое число универсальных принципов: 1) составляющая, или группа (phrase), всегда имеет в своем составе ядро (head), принадлежащее к определенному грамматическому классу слов (lexical category, см. 4*), которое и определяет категорию составляющей (phrasal category); иначе говоря, составляющая есть распространение, проекция (projection) своего ядра: так, глагольная группа имеет в качестве ядра глагол, именная группа – имя и т.д.; выделяется несколько степеней проекции (степеней распространения) ядра, обозначаемых количеством штрихов при категориальном символе ядра (отсюда название теории) или арабскими цифрами: $X(=X^0)$ – нулевая степень проекции ядра, т.е. само ядро; $X'(=X^1)$ – первая степень проекции, $X''(=X^2)$ – вторая степень и т.д.; 2) X' состоит из ядра и его компонентов – составляющих, наличие которых при данном ядре обязательно, так как является лексическим свойством ядра – валентностями ядерной леммы ($X' \rightarrow X$ complements); 3) X'' состоит из X' и спецификаторов – элементов, менее тесно связанных с ядром: детерминативов, кванторов и т.п. ($X'' \rightarrow X'$ specifiers); вторая степень проекции считается максимальной и поэтому часто обозначается как $X^{m(ax)}$. В данной статье, как и в большинстве работ по GB, нотация X'-теории сосуществует с традиционной для ТТПГ обозначением максимальных проекций: $NP(=N'=N^{max})$, $VP(=V'=V^{max})$ и т.д.

4*. Лексическими категориями в ТТПГ называются синтаксические категории "частеречного" характера, на которые в конечном счете разложимо предложение. GB оперирует всего четырьмя лексическими категориями: N (существительное), V (глагол), A (прилагательное), P (предлог).

Понятие управления в GB не тождественно традиционному (хотя и восходит к нему). Оно определяется в терминах конфигураций дерева НС и является более обобщенным, так как "управляться" в GB могут не

только именные группы. "Управлять" же могут только лексические категории V, A и P и их проекции, а также нелексическая категория INFL (см. 5*).

5*. INFL – абстрактная синтаксическая категория, представляющая собой пучок грамматических признаков: TNS (Время) и AGR (Согласование). Наряду с основными лексическими категориями INFL наделяется способностью управлять другими категориями. INFL занимает в структуре предложения такую позицию, при которой эта категория управляет субъектной NP.

6*. Т.е. когда NP является частью другой NP.

7*. Т.е. абстрактные падежи изначально присваиваются именным группам как целым (максимальным проекциям).

8*. Т.е. абстрактный падеж (например, ВИН), приписанный именной группе (например, *крыша сарая*) глаголом (например, *чинить*), перейдет к ее ядру – *крыша*, но не к его комплементу – *сарая*.

9*. Топик – здесь NP, занимающая в предложении начальную позицию, синтаксически связанная не с глаголом-сказуемым или группой сказуемого, а со всем предложением и обозначающая то, о чем говорится в предложении, например, NP *яблони* в предложении *Яблони, у меня их полон сад*.

10*. С-командование [*constituent-command*] – структурное отношение между составляющими. Элемент α С-командует всеми элементами, входящими вместе с ним в ближайшую максимальную проекцию, кроме тех, что содержатся в самом α . Синтаксическая структура, приписываемая русским количественным NP в рамках X'-теории, такова, что отношение между существительным и числительным не укладывается ни в одну из схем приписывания абстрактных падежей, принятых в GB (см. обсуждение этой проблемы в [17]).

11*. В GB сочетание существительного с предлогом трактуется как особая категория составляющих – предложная группа (PP), в которой предлог является ядром, а существительное – его комплементом.

12*. Падежный Фильтр – принцип GB, согласно которому в правильной S-структуре каждой ненулевой NP должен быть приписан абстрактный падеж. Иными словами, S-структуры, в которых хотя бы одна NP не получила абстрактного падежа, отбрасываются как неправильные, так как далее фонологический компонент не сможет придать лишненным падежа именным группам фонологическую форму. Многие синтаксические явления объясняются в GB необходимостью привести структуру предложения в соответствие с требованиями Падежного Фильтра, например, пассив (см. начало разд. 6.1).

13*. В ТППГ субъектный аргумент глагола противопоставляется всем его объектным аргументам (субъектно-объектная асимметрия), что отражается в расположении соответствующих NF в дереве НС: [*S* NP [*vp* V NP]]. Объектные NP находятся внутри группы глагола – это его "внутренние" аргументы, субъектная NP находится вне группы глагола – это его "внешний" аргумент. Фундаментальный характер субъектно-объектной асимметрии обосновывается со ссылкой на целый ряд явлений: возможности кореференции разных типов NP в рамках предложения, модели интеркорпорации в инкорпорирующих языках и др.

14*. Отношение управления определяется в GB следующим образом: "Категория α управляет максимальной проекцией X", если α и X "С-командуют друг другом" ([6, с. 162]). О категориях, способных управлять, см. 4*, об отношении С-командования – 10*.

15*. Т.е. нет такого слова, категории или конфигурации, которая бы приписывала Семантический падеж. Он не зависит ни от какого элемента синтаксической структуры предложения.

16*. Т.е. в той позиции, которую эти NP занимают в D-структуре, порождаемой базовым компонентом грамматики (X'-теорией, Лексиконом и Принципом Проекции сочетаемости свойств лексем на синтаксическую структуру предложения).

17*. В GB понятие области получает точное определение в терминах конфигурации дерева НС: областью элемента является ближайшая максимальная проекция (т.е. категория второй степени проекции), в которую он входит. Так, в предложении *Маша ест кашу* областью субъектной NP *Маша* является все предложение (S) как максимальная степень проекции абстрактной категории INFL, а областью объектной NP *кашу* является глагольная группа (V"). Обе NP входят в область S, но субъектная NP не является комплементом лексической категории (она анализируется как спецификатор категории INFL) и потому ей не может быть приписан ВИН падеж, а объектная NP является комплементом лексической категории V и потому ей может быть приписан абстрактный ВИН падеж.

18*. Тематические (семантические) роли, или θ -роли, аргументов глагола считаются его лексическим свойством и "проецируются" из Лексикона на синтаксическую структуру предложения с этим глаголом. Говорится, что глагол приписывает синтаксическим позициям аргументов θ -роли. Вопросами приписывания θ -ролей ведаёт θ -теория. Правильная синтаксическая структура должна соответствовать критерию: каждый аргумент имеет одну и только одну θ -роль, и каждая θ -роль приписана одному и только одному аргументу. Согласно θ -теории, θ -роли, предназначенные для внутренних, объектных аргументов, обязаны быть им приписаны. Что же касается θ -роли, предназначенной для внешнего, субъектного аргумента, то она может и не приписываться этой позиции (это еще одно проявление субъектно-объектной асимметрии, ср. 13*). При анализе пассивных предложений как раз и предполагается, что θ -роль Агенса, предназначенная глаголом для его субъекта, остается не приписанной к пустующей субъектной позиции и поэтому в нее может передвинуться объектная NP, неся с собой свою θ -роль Пациенса (если бы пустая позиция была охарактеризована по тематической роли, то при передвижении в нее объектной NP со своей собственной тематической ролью получалась бы конструкция, в которой один и тот же аргумент – объектная NP – нес бы на себе сразу две θ -роли, что запрещается θ -критерием).

19*. Пример S-структуры (см. 2*), в которой NP *five men*, изначально порождаемая в позиции комплемента (объекта) глагола *were killed*, передвинулась в синтаксическую позицию, отличную от позиции субъекта, занятой здесь эксплицитом *there*, оставив в исходной позиции след, здесь помеченный символом "пустой категории" *e*.

20*. Чисто именные обстоятельства выполняют в НС-структуре предложения функцию модификатора – элемента, распространяющего составляющую первой степени проекции – X' , т.е. группу, состоящую из ядра и его комплементов. Так, в предложении *Маша вязала кофту неделю* NP *неделю* выступает в конфигурации:

$[[\text{вязала}]_{V^0}[\text{кофту}]_N]_N \cdot [\text{неделю}]_{N^0}$.

Именной группе *неделю* присваивается ВИН падеж, хотя синтаксическим контекстом для нее является не категория нулевой степени проекции (здесь V^0 *вязала*), а категория первой степени проекции (здесь V' *вязала кофту*). Следовательно, в обобщенной формуле конфигурации для ВИН падежа должна фигурировать не нулевая проекция – X^0 , а переменная проекция с индексом n , где $n > 0$, что при $n = 1$ дает конфигурацию, нужную для описания ВИН падежа чисто именными обстоятельствами.

21*. Понятию модификатора существительного примерно соответствует традиционное понятие определения. К модификаторам существительного относятся любые синтаксически связанные с ним элементы, не являющиеся ни его комплементами, ни его спецификаторами (см. примеч. 3). Эту функцию могут выполнять различные классы слов и синтаксических групп, в том числе именные группы. Очевидно, что чисто именным модификаторам существительного в традиционном синтаксисе соответствует категория несогласованных определений, выраженных существительным без предлога.

22*. Каузативизация в турецком языке – регулярный морфосинтаксический процесс, в ходе которого к основе глагола добавляется каузативная морфема, меняющая его значение с "сделать x " на "вызвать действие x " и влекущая перестройку его аргументной структуры.

23*. Иначе говоря, ИМ падеж не может быть приписан NP, если она входит в одну из составляющих, ядром которых служит лексическая категория, т.е. N (имя), V (глагол), Adj (прилагательное) или P (предлог). Субъектная NP к таковому не относится, поскольку ядром составляющей, в которую она входит, является нелексическая категория INFL (см. 5*): субъектная NP трактуется как спецификатор INFL'a, а VP как комплемент INFL'a.

24*. В предложениях типа *Он одевается сам* позиция *сам* характеризуется как позиция адъюнкта при предикате. Составляющая категории A называется адъюнктом составляющей категории B, если присоединение A к B образует составляющую, относящуюся опять-таки к категории B. Так, присоединение к глаголу (V) комплемента (объекта) дает составляющую нового типа – V' , а присоединение элемента типа *сам* дает составляющую того же типа – V.

25*. Одним из основных способов представления синтаксической структуры предложения в X' -теории является дерево НС, узлы которого помечены символами лексических или фразовых категорий. Базисным отношением между узлами в дереве НС является отношение доминирования. Если некоторые категории B и C являются непосредственными составляющими категории A, то в дереве это отражается в виде непосредственного доминирования узла, помеченного символом A, над узлами B и C:



Узел дерева тем выше, чем он ближе к вершине дерева – узлу, в который не входит ни одна ветвь. Самым близким к вершине дерева узлом, помеченным категорией NP, является узел, над которым непосредственно доминирует узел, репрезентирующий категорию S (предложение). В X' -теории предложение рассматривается как фразовая категория, ядром которой является INFL, сокращенно – I (см. 5*), откуда и возникает альтернативное обозначение – IP (Inflectional Phrase).

26*. Узел B называется сестрой узла C, если над ними обоими непосредственно доминирует один и тот же узел A (см. 25*). Здесь говорится о возможности приписать глагольной группе с прямым и косвенным объектами (например, *передать придет жене*) такую НС-структуру, при которой прямой и косвенный объект неравноправны: прямой объект образует первую ступень проекции глагольного ядра (V'), а косвенный объект присоединяется уже не непосредственно к ядру, а к проекции V' в целом, образуя следующую ступень проекции. Над NP косвенного и прямого объекта непосредственно доминируют разные фразовые категории и, следовательно, эти NP не являются сестрами.

27*. Принцип GB, согласно которому каждое предложение должно иметь субъект.

28*. В GB инфинитивные конструкции, как зависимые, так и независимые, анализируются как имеющие нулевой субъект, называемый PRO ("про большое"). В целом в теории выделяется несколько типов "синтаксических нулей", каждый из которых обладает уникальным набором свойств. Важнейшим свойством, отличающим PRO от других нулевых категорий, считается то, что этой NP не приписывается абстрактный падеж. В последнее время это положение подвергается сомнению (в том числе в данной статье).

29*. Категория называется матричной, если она принадлежит матричному предложению (см. примеч. 30).

30*. Понятие матричного предложения близко, но не тождественно традиционному понятию главного предложения. Поскольку одно предложение может быть "вложенным" в другое предложение (т.е. быть его составляющей), второе предложение – в третье и т.д., то матричным для каждого вложенного предложения будет ближайшее к нему вышележащее (в терминах деревьев НС) предложение.

31*. Иначе говоря, элемент *сам* не является составляющей той NP, которая служит его антецедентом в предложении (о позиции *сам* в X' -структуре см. 24*).

32*. про ("про малое") – нулевая категория GB, соответствующая нулевому личному местоимению в предложении типа *Он купил новый будажник, но (про) сразу же потерял (про)*.